

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Института права

(наименование института полностью)

Кафедра _____ «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уступка требования (цессия)»

Студент

Р.В.Шишкина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

к.ю.н, доцент, А.В.Кирсанова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Тема: «Уступка требования (цессия)».

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, включающих десять разделов, заключения и списка используемой литературы и источников.

Актуальность темы исследования обусловлена имеющимися пробелами в законодательстве применения института цессии, а именно не в полной мере урегулированы следующие проблемы: допустимости уступки права (требования) из предварительного договора, уступки права на возмещение убытков, уступки части права (требования), возникшего из дящегося обязательства и другие.

Цель выпускной квалификационной работы - раскрытие теоретических и практических проблем, касающихся сделки уступки права (требования), выработка предложений по оптимизации ее законодательного регулирования.

Основными задачами работы являются: изучение истории становления и развития правового регулирования уступки права (требования) (цессии); рассмотрение подходов к определению понятия уступки права (требования) (цессии); изучение характера сделки уступки права (требования) (цессии); анализ существующих точек зрения, касающихся момента перехода права требования, формы уступки права (требования), объема переходящих требований; рассмотрение требований, не подлежащие цедированию; исследование значения личности кредитора при уступке права (требования); выявление некоторых проблем уступки права (требования) в гражданском праве России, формулировка возможных путей их решения и выработка предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Общий объем работы составляет 97 страниц.

Содержание

Введение.....	4
1 Понятие и правовая природа уступки права (требования)	14
1.1 Право требования как объект оборота. История становления и развития.....	14
1.2 Подходы к определению понятия уступки права (требования). Существенные условия договора цессии.....	23
1.3 Абстрактность и каузальность цессии. Распорядительный характер сделки уступки права (требования).....	27
2 Содержание и исполнение уступки права (требования)	40
2.1 Момент перехода права требования. Форма уступки права (требования).....	40
2.2 Объём переходящих требований. Требования, не подлежащие цедированию.	46
2.3 Значение личности кредитора при уступке права (требования).....	53
3 Некоторые проблемы института цессии в правоприменительной практике.....	65
3.1 Уступка права (требования) по предварительному договору.....	65
3.2 Проблема уступки права (требования) на взыскание неустойки отдельно от основного обязательства.....	71
3.3 Проблема уступки права (требования) на возмещение убытков.....	75
3.4 Проблема уступки части права (требования), возникшего из дящегося обязательства	78
Заключение	85
Список используемой литературы и используемых источников	88

Введение

Актуальность темы исследования.

Этап активного реформирования социальных отношений в России привел к глубоким преобразованиям, в том числе и в экономической сфере. Это вызвало потребность нового подхода к правовому регулированию имущественных и связанных с ними неимущественных благ. Существенно усложнился и развился гражданский оборот, что привело к более широкому использованию различного рода гражданско-правовых обязательств. Обязательственные отношения стали правовой основой и воплощением любого современного бизнеса. Неотъемлемым признаком современного имущественного оборота выступает закрепленная в законе возможность замены кредитора в обязательстве, которая представляет собой сущность института уступки права (цессии).

Активное развитие областей, прежде всего, экономической деятельности, а именно: сферы кредитования, жилищного (долевого) строительства, сферы предпринимательства и т. п., где институт цессии необходим для большего удобства оформления и ведения отношений, складывающихся между участниками гражданского оборота, свидетельствует о том, что цессионные отношения приобретают все больший практический интерес. Однако постоянно изменяющийся и прогрессирующий экономический оборот в России порождает множество проблем применения данного института, так как выработанные законодателем нормы нуждаются в доработке, исходя из ситуаций, возникающих на практике. В частности, можно отметить проблему допустимости уступки права (требования) из предварительного договора, проблему уступки права на возмещение убытков, проблему уступки части права (требования), возникшего из длящегося обязательства и некоторые

другие, что, безусловно, свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования.

Степень разработанности выпускной квалификационной работы.

За последние двадцать лет издан ряд монографий, посвященных изучению как специфики обязательственных прав (требований) в качестве объекта оборота (В.В. Байбак, А.С. Яковлев), так и особенностям института уступки права (требования) в условиях развивающегося законодательства и правоприменительной практики (Л.А. Новоселова, В.В. Почуйкин). Следует отметить немалое количество диссертационных исследований, посвященных как теоретическим аспектам цессионных правоотношений (О.Г. Ломидзе, О.А. Колесников, О.В. Приказчикова, А.В. Вошатко, А.В. Кузнецов), так и сугубо прикладным вопросам оборота обязательственных прав (требований) (А.В. Пушкина, С.Б. Култышев, С.К. Степаненко). Тем не менее, развитие рынков финансирования, проблемы ликвидности экономических субъектов определяют дальнейшее совершенствование теоретических разработок в области цессионных правоотношений и сохраняют актуальность дальнейших исследований по отдельным вопросам передачи (уступки) обязательственных прав (требований).

Цель выпускной квалификационной работы состоит в раскрытии теоретических и практических проблем, касающихся сделки уступки права (требования), а также в выработке предложений по оптимизации ее законодательного регулирования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить историю становления и развития правового регулирования уступки права (требования) (цессии);
- рассмотреть подходы к определению понятия уступки права (требования) (цессии);
- изучить характер сделки уступки права (требования) (цессии);

- проанализировать существующие точки зрения, касающиеся момента перехода права требования, формы уступки права (требования), объема переходящих требований;
- рассмотреть требования, не подлежащие цедированию;
- исследовать значение личности кредитора при уступке права (требования);
- выявить некоторые проблемы уступки права (требования) в гражданском праве России, сформулировать возможные пути их решения и выработать предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Объектом выпускной квалификационной работы является совокупность правоотношений, возникающих при совершении сделки уступки права (требования).

Предметом исследования является совокупность норм действующего законодательства, обеспечивающих правовое регулирование уступки права в неразрывной связи с процессами их реализации, включая правоприменительную практику.

Методологическая основа исследования выпускной квалификационной работы. Основным методом исследования является такой общенаучный метод как диалектический, позволивший изучить и проанализировать тенденции развития правового регулирования института уступки права (требования) (цессии) как основания перемены лица на стороне кредитора.

Исторический метод позволяет рассмотреть историю развития и становления правового регулирования уступки права (требования).

Также в работе применяется метод анализа, который выражается в изучении имеющейся нормативно-правовой базы, судебной практики и научно-исследовательской литературы.

Вышеизложенные положения в совокупности с проанализированными трудами ученых позволяют прийти к целостному представлению вопросов,

рассматриваемых в рамках заявленной темы, чему способствует применение метода синтеза, используемого в рамках исследования. Он заключается, в частности, в установлении причинных связей между отдельно взятыми положениями (аспектами) цессии, например, такими как «требования не подлежащие цедированию» и «значение личности кредитора при уступке права (требования)», а также в изучении и рассмотрении реализации на практике норм права, регламентирующих уступку права (требования) (цессию).

Еще одним методом, используемым в работе, является формально-юридический метод, который применяется при поиске дефиниции уступки права (требования), выявления ее признаков и содержания.

Формально-юридический метод применяется в совокупности с таким методом познания, как сравнительно-правовой, что выражается в сопоставлении дефиниции уступки права (требования) различными группами ученых.

Научная новизна исследования заключается в выработке предложений по решению некоторых проблем уступки права (требования) в современном гражданском праве России на основании проведенного исследования, касающегося теоретических и практических проблем уступки права (требования).

На защиту выносятся следующие основные положения и выводы:

1. Выявлено, что существует проблема, связанная с отсутствием общих критериев существенности личности кредитора для должника, а также с определением последствий совершения такой уступки без согласия должника в контексте п. 2 ст. 388 ГК РФ.

Отсутствие четких критериев существенности личности кредитора создает риски признания сделок по уступке прав недействительными по причине совершения их без согласия должника, что создает неопределенность и неустойчивость оборота прав. При этом возникают

ситуации, когда суды в сходных случаях могут по-разному определить, является ли личность кредитора для должника существенной.

Для устранения имеющейся проблемы предлагается обозначить и закрепить критерии, по которым личность кредитора для должника будет признаваться существенной, в определенных ситуациях предлагается установить запрет на уступку прав по договору без согласия должника, обозначить последствия совершения сделки по уступке права (требования) по обязательствам, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника.

2. Установлено, что на практике существует проблема допустимости уступки права, возникшего из предварительного договора.

В связи с этим все большую релевантность приобретает вопрос о применении положений закона, закрепляющих уступку права на заключение договора по опциону, по аналогии к предварительному договору. Ввиду различия конструкций опциона на заключение договора и предварительного договора, наиболее верной представляется позиция, согласно которой возможность такой уступки исключается.

Обозначенную проблему предлагается решить путем закрепления прямого законодательного запрета на уступку права (требования), возникающего из предварительного договора.

3. Установлено, что существует проблема допустимости изолированной уступки требований о возмещении убытков до момента самого правонарушения и возникновения убытков.

Ввиду того, что в рассматриваемой проблеме наличие (или отсутствие) убытков, право на взыскание которых потенциально может быть уступлено цессионарию, изначально зависит не от cedента, а от действий должника, который может и не нарушить договор, а, следовательно, право требования убытков не наступит вовсе, то наиболее верной представляется позиция, согласно которой изолированная уступка требования о возмещении убытков

до момента самого правонарушения и возникновения убытков исключается, в силу гипотетического отсутствия механизма реализации уступленного права в случае, если нарушение не произойдет. В целях способствования единообразному применению судами соответствующих положений закона, предлагается закрепить данную позицию в качестве разъяснения в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

4. Выявлен пробел в законодательстве, связанный с уступкой права (требования) об уплате неустойки до того, как нарушение договора произошло (условие права наступило), а также пробел, связанный с уступкой, которая совершена уже после начала просрочки и начала начисления пеней, а именно признавать ли такую уступку уступкой существующего права или будущего права. Ответ на этот вопрос имеет значение для определения момента перехода права, что может повлиять на права и обязанности сторон цессии.

Для урегулирования данного вопроса представляется верным определять такие случаи как уступку будущего права, в целях защиты интересов cedenta, ввиду возможности применения к нему мер ответственности, связанных с уступкой недействительного требования.

5. Установлено, что вопрос, связанный с уступкой части права (требования), возникшего из дящегося обязательства, в данный момент остается относительно неурегулированным, то есть отсутствуют требования к договору о такой уступке, не определено, какие обязательные положения он должен содержать, чтобы в дальнейшем его не признали незаключенным.

В связи с этим предлагается установить, что в договоре об уступке части права (требования), возникшего из дящегося обязательства, должны быть указаны основания возникновения уступаемого права (требования), а также конкретный период, за который оно уступается. Уступаемое право (требование) должно иметь не столько строго фиксированную сторонами величину, но достаточное количество признаков, позволяющих выделить его

из числа многочисленных требований в дящихся правоотношениях (договорах). В противном случае договор может быть признан незаключенным.

На основании проведенного исследования, необходимо представить следующие варианты решения озвученных проблем:

1. Предлагается внести изменения в пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» [73] и изложить его в следующей редакции:

«10. Личность кредитора признается для должника существенной, когда имеющаяся между должником и кредитором связь возникла в результате заключения сделки, обладающей лично-доверительным характером, либо если связь возникла при заключении иных сделок в случае, когда разрыв связи при совершении уступки права влечет или может повлечь значительное лишение для должника того, на что он был вправе рассчитывать при заключении сделки с кредитором, в частности, если при совершении сделки по уступке требования возникает реальная невозможность исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части или возникает риск неисполнения/ненадлежащего исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части.

При оценке того, имеет ли личность кредитора в обязательстве существенное значение для должника, для целей применения пункта 2 статьи 388 ГК РФ необходимо исходить из существа обязательства.

По общему правилу, личность кредитора не имеет значения для уступки права (требования) по денежным обязательствам. Судам необходимо учитывать, что исключения из приведенного правила должны приниматься с учетом абзаца первого настоящего пункта. Например, личность кредитора признается существенной для должника, когда денежные средства

предназначаются кредитору, в том числе в целях исполнения последним принятого на себя обязательства.

Если стороны установили в договоре, что личность кредитора имеет существенное значение для должника, однако это не вытекает из существа возникшего на основании этого договора обязательства, то подобные условия следует квалифицировать как запрет на уступку прав по договору без согласия должника (пункт 2 статьи 382 ГК РФ).

Последствием совершения сделки по уступке права (требования) по обязательствам, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника, является ее ничтожность в силу пункта 2 статьи 168 ГК РФ».

2. Предлагаю внести изменения в содержание статьи 429 ГК РФ, путем ее дополнения пунктом 7 следующего содержания: «7. Уступка права, возникающего из предварительного договора, не допускается».

3. Считаю необходимым внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», а именно в п. 13, дополнив его положениями об исключении возможности изолированной уступки требования о возмещении убытков до момента самого правонарушения и возникновения убытков [73].

4. Считаю целесообразным внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», а именно в п. 14, дополнив его положениями, согласно которым в случае с уступкой права (требования) об уплате неустойки до того, как нарушение договора произошло (условие права наступило), а также в случае совершения уступки уже после начала просрочки и начала начисления пеней, в целях защиты интересов cedentа, имеет место уступка будущего права [73].

5. Предлагаю дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» пунктом 8.1 следующего содержания: «В договоре об уступке части права (требования), возникшего из дящегося обязательства, должны быть указаны основания возникновения уступаемого права (требования), а также конкретный период, за который оно уступается. Уступаемое право (требование) должно иметь не столько строго фиксированную сторонами величину, но достаточное количество признаков, позволяющих выделить его из числа многочисленных требований в дящихся правоотношениях (договорах). В противном случае договор может быть признан незаключенным» [73].

Теоретической основой исследования послужили научные труды ученых, юристов, представителей экономических и социологических наук, в которых в той или иной степени затронуты проблемы, связанные с уступкой права (требования), в том числе таких как Анненкова К.Н., Байбака В.В., Бевзенко Р.С., Белова В.А., Брагинского М.И., Витрянского В.В., Вошатко А.В., Галинской Ю., Горбатова К.А., Казарина В.Ю., Карапетова А.Г., Крашенинникова Е.А., Кротова М.В., Кузьминой А.В., Ивановой А.Е., Ломидзе О.Г., Марцун А.А., Новоселовой Л.А., Почуйкина В.В., Пушкиной А.В., Сарбаша С.В., Скловского К.И., Стюфеевой И.В., Урукова В.Н. и др.

Нормативную базу исследования составили: Конституция Российской Федерации, законы Российской Федерации, подзаконные нормативно-правовые акты.

Эмпирической базой исследования является опубликованная судебная практика по вопросам применения законодательства, регулирующего перемену лиц в обязательстве, в том числе судебная практика Верховного суда РФ, ранее существовавшего Высшего арбитражного суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации.

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью использования сформулированных в ней выводов и практических рекомендаций при решении основных проблем уступки права (требования) в современном гражданском праве России.

Апробация результатов исследования. Некоторые положения, касающиеся уступки права требования и представляющие отдельный интерес нашли свое отражение в следующих опубликованных статьях в научном журнале «Вестник магистратуры». 2021. № 10 (121), ISSN 2223-4047: «История становления и развития отдельного института науки гражданского права. Институт цессии», «Цессия по законодательству США: основные положения» [34]- [35].

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих десять разделов, заключения и списка используемой литературы и источников.

1 Понятие и правовая природа уступки права (требования)

1.1 Право требования как объект оборота. История становления и развития

Рассмотрим различные периоды становления института цессии.

Рецепция из римского права. Цессия начала зарождаться еще в древности. Прародителем уступки требования выступил один из ныне существующих способов прекращения обязательств – новация.

Участники обязательства в целях передачи требования от одного лица к другому, применяли именно этот способ. Однако при таком положении вещей происходило следующее: первое обязательство прекращалось, а вместо него возникало новое обязательство, то есть происходила полная замена обязательства, что не до конца отвечало требованиям сторон, поскольку, прекратив первоначальное обязательство, стороны сталкивались с новыми проблемами:

- прекращались способы обеспечения обязательств;
- требовалось согласие всех участников сделки;
- требовалось присутствие должника и личное его согласие (в чем он был совершенно не заинтересован).

Данные проблемы порождали новые вопросы. Новые вопросы порождали новые пути их разрешения. Так, римское право пришло к тому, что уступка требования признавалась с помощью судебного представительства. Передать право требования по обязательству можно было только таким путем.

Благодаря возникновению цессии, разрешились выше обозначенные проблемы. Теперь передать требования по обязательству стало возможно в прикладном смысле этого слова, избежав злоупотребления со стороны должника.

В Древнем Риме цессия получила свое современное определение, а также получили наименования и стороны такого института: цедент – тот, кто права передает, и цессионарий – тот, который права приобретает. Должник так и оставался должником.

В будущем произойдет рецепция этих положений в современное российское право, но пока рассмотрим еще один не менее важный период – дореволюционный.

Как ни странно, в российском законодательстве дореволюционного периода цессия не была выделена в отдельный и самостоятельный институт. При этом, как отмечалось, она была востребована потребностями торгового оборота. В то время использовались лишь некоторые основания возможной передачи прав от одного лица к другому.

Именно потребности торгового оборота способствовали изучению дореволюционными российскими цивилистами понятия цессии в римском частном праве. Таким образом, разработанные древнеримскими юристами и адаптированные к российским реалиям положения стали фундаментом для развития современного института цессии.

Многие юристы, столкнувшись с вопросами, касающимися отношений цессии, начали обращаться к римскому праву. Так, один известный деятель, ученый, юрист-цивилист того времени – Константин Никанорович Анненков (1842 – 1910 гг.) – отмечал, что в гражданском праве России практически полностью отсутствует институт уступки права (требования). Он писал: «Все, что мы имеем относительно допустимости действия у нас этого института, так это только отрывочные частные постановления, содержащие в себе или дозволение цессии прав по некоторым договорам, или же, наоборот, воспрещение цессии некоторых других договорных прав» [4].

Еще одним видным деятелем того времени, отмечавшим отсутствие института цессии, был Габриэль Феликсович Шершеневич (1863 – 1912 гг.). Он считал: «Следует признать, что все обязательства способны к изменению

субъектов на активной стороне, насколько возможность к тому не преграждена содержанием обязательства или законом» [99].

Тем не менее, в ст. 1679 Проекта гражданского уложения 1910 года, приобрела свое выражение норма, касающаяся института цессии, которая звучала так: «веритель имеет право без согласия должника уступить принадлежащее ему требование другому лицу, хотя бы требование не подлежало еще исполнению или было поставлено в зависимость от условия». В следующей же статье отмечалось, что требования, которые неразрывно связаны с личностью верителя, не подлежат уступке.

И уже в 1922 году нормы об уступке права (требования) были закреплены в качестве отдельной нормы. Гражданский кодекс РСФСР в статье 124 закреплял его основные положения «уступка требования кредитором другому лицу допускается, поскольку она не противоречит закону или договору, или поскольку требование не связано с личностью кредитора. Должник должен быть уведомлен об уступке требования и до уведомления вправе исполнить обязательство прежнему кредитору» [21].

И только в 1964 году целой главой Гражданского кодекса РСФСР цессия была закреплена в качестве отдельного института. Цессия начала приобретать совершенно революционный для того времени вид. Были проработаны многие вопросы, которые никак не регулировались ранее. Так, например, было прописано положение об ответственности лица, уступающего право требования, в соответствии с которым он отвечал перед цессионарием за недействительность переданного требования, но не отвечал за неисполнение обязанностей должником. Другой пример - цедент не освобождался от ответственности за неисполнение требования должником, если выступал поручителем должника перед цессионарием.

Также следует отметить, что появились и ограничения цессии: нельзя было передавать право требования компенсаций вследствие причинения вреда жизни и здоровью.

Интересно, что в то время отдельное внимание было уделено личности должника. Например, он мог предъявлять цессионарию свои возражения, которые предъявлялись cedentu на момент получения уведомления об уступке права (требования).

Современное гражданское право объединило положения об уступке права (требования), сформированные в дореволюционном и советском периоде. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – Кодекс), который был принят еще в 1994 году (редакция первая), включал в себя лишь девять статей об уступке, при этом они наиболее полно (относительно ранних законодательных актов) раскрывали суть цессии. Свое закрепление получили права, которые могут быть переданы, права кредитора, существенные условия, форма цессии, включены положения об ответственности cedента, о доказательствах прав цессионария и так далее.

В одном из своих интервью Е. А. Суханов отметил: «Казалось бы, простой вопрос: уступка требований – цессия. Записали в ГК РФ традиционные нормы, и никто не предполагал, что в России цессия станет чуть ли не более распространенной, чем купля-продажа. Все всё друг другу уступают и друг на друга переводят долги, существует огромный рынок уступки прав. Вот поэтому две-три нормы в ГК – маловато, они правильные по своей основе, но их надо будет расширять»[28].

После 1994 года в Кодекс были внесены поправки, в том числе были затронуты и положения об уступке права (требования). Объяснялось это тем, что в правоприменительной практике по-прежнему возникали проблемы, часто касающиеся пробелов в законодательстве по вопросам реализации цессии.

В контексте значимых изменений рассматриваемого в данной работе института следует отметить Федеральный закон от 21.12.2013 №367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных

актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [95]. Этим законом внесена новелла о том, что цессия отныне не допускается, только если она прямо противоречит закону. Ранее ограничения касались также и договоров, и прочих нормативно-правовых актов. Данное положение целиком и полностью направлено на защиту прав кредитора (цедента), который теперь в своем намерении уступить требование ограничен лишь положениями закона. Так же внесены новшества, касающиеся последствий несоблюдения запрета на цессию денежного долга или иного ограничения уступки требования, об уступке будущих требований цедента, уступке требования лишь в части; сохранилась обязанность по уведомлению должника об уступке и др.[39].

Помимо более детального разбора цессии в гражданском кодексе, были изданы различные акты толкования, как например, информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 №120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» [30]; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»[73].

Тенденция развития института цессии очевидно прослеживается вследствие изучения нормативных актов, научных изысканий, а также мнений ученых различных периодов и даже эпох. В данном частном случае, российское право, путем рецепции института уступки права (требования) из римского права, усовершенствовало данный институт. Многие были заимствованы, но также многое было привнесено в качестве уникальных новелл.

На сегодняшний день институт цессии в российском законодательстве получил более детальную регламентацию, чем, предположим, полвека назад. Однако до сих пор в правоприменительной практике появляется множество

вопросов, связанных с воплощением в жизнь положений об уступке. Это означает лишь одно – законодателю предстоит еще неоднократно вносить изменения в законодательные акты РФ, каждый раз совершенствуя систему.

Рассмотрев процесс становления и развития цессии в российском гражданском праве, перейдем к рассмотрению права требования в качестве объекта оборота.

Объектам гражданских прав посвящена ст. 128 ГК РФ. В соответствии с ней к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Становится очевидным, что основная цель включения того или иного блага в разряд объектов гражданского права заключается в возможности свободного отчуждения их, извлечения из этого экономической выгоды. Нельзя не согласиться с позицией Г.Ф. Шершеневича о том, что «вещи в экономическом смысле перестают быть объектами права, если закон объявляет их вне оборота. Экономическая основа вещи предполагает в ней некоторую ценность. Лишенная всякой ценности вещь не может быть объектом права»[100]. Это же можно сказать и о включении в оборот имущественных прав. В свою очередь В.В. Байбак, развивая идею Ю.С. Гамбарова, предлагает разграничивать оборотоспособность предмета и его пассивную правоспособность (т.е. способность быть объектом гражданских прав), при этом указывает на то, что отсутствие первой является неспособностью предмета к участию в торговом обороте, а недостаток второй вообще исключает все гражданские права в отношении данного предмета. «Игнорирование этой логической связи приводит некоторых

ученых к неверному выводу о том, что «правоспособными» предметами являются лишь те, что способны к участию в обороте»[7, с.29]. Исходя из сказанного, термин «правоспособность» (хоть и «пассивная») некорректно употреблять по отношению к объекту, так как данная способность является (наряду с дееспособностью или для юридических лиц - правосубъектностью) характеристикой субъектов гражданского правоотношения. В теории под правоспособностью традиционно понимается способность иметь права и нести обязанности, что предполагает наличие субъекта (физического или юридического лица), обладающего данной правоспособностью, но никак не вещи или имущественного права. Конечно, по отношению к последним необходимо употреблять термин объектоспособность.

В отнесении имущественных прав к числу объектов гражданских прав проявилась вечная необходимость соотношения экономического базиса и правовой надстройки. То есть появившаяся когда-то потребность в различного рода вариантах распоряжения таким имущественным правом, как право требования кредитора, породило потребность в законодательном урегулировании данного вопроса. Правовая надстройка была усовершенствована исходя из потребностей экономического фундамента. Не вызывает никакого сомнения тот факт, что вовлечение в экономический оборот имущества происходит путем законодательного разрешения отчуждения данной категории объектов гражданских прав. И если рассматривать цивилистический спор относительно включения или нет в число объектов имущественных прав, с позиции экономики, то нужно указать, прежде всего, что права требования являются также дебиторской задолженностью, наличие и регулирование которой является необходимым элементом экономической структуры практически каждого юридического лица. Необходимость эта, выраженная в международном масштабе, породила принятие в 2001 г. в Нью-Йорке Конвенции об уступке дебиторской задолженности в международной торговле. Нужно отметить, что из всех

известных нам ученых-цивилистов, рассматривающих данный вопрос, только Л.А. Новоселова употребляет в своей работе наряду с правами требования термин «дебиторская задолженность»[18].

Содержание обязательственного, как и всякого другого, правоотношения составляют права и обязанности его сторон (участников). Существо обязательства сводится к обязанию конкретных лиц к определенному поведению, преследующему имущественную цель, то есть для него характерно «состояние связанности одного лица в отношении другого». Поэтому традиционно принято считать, что субъективное обязательственное право есть «право на действие другого лица», которое дает возможность господства над поведением должника.

Обязательственное правоотношение требует наличия двух сторон: кредитора, который имеет право требовать от другой стороны совершения определенного действия (активный субъект), и должника, который обязан исполнить то, что требуется по условиям обязательства (пассивный субъект).

В силу установления обязательства кредитор приобретает право требовать от должника совершения определенных действий. При этом в состав имущества кредитора право требования входит в качестве актива. Должник обременяется долгом, который отражается в его имуществе в качестве пассива.

Русские цивилисты неоднократно указывали на то, что по мере развития оборота, имеющееся у кредитора право требования стало рассматриваться как самостоятельная имущественная ценность, то есть обязательство во многом утратило личный характер.

П.П. Цитович выступал с критикой существовавшего легального определения обязательства и указывал, что акцент в них делается на личный элемент обязательства. При этом, по его мнению, большее внимание следовало обращать на «ценность, какая в силу обязательства следует к получению другому» [98].

Д.И. Мейер указывал на двойственный характер обязательства: «Действие лица, составляющее предмет обязательства, есть нечто близко связанное с его личностью, и отнюдь нельзя сказать, чтобы для лица было все равно, по отношению к кому совершить это действие, но, с другой стороны, право на чужое действие имеет характер имущества, так что отношения по обязательствам примыкают к сфере имущественных отношений, отношения же эти требуют наибольшей свободы, и каждое ограничение ее без нужды неблагоприятно отражается на экономическом положении общества»[42].

Экономическая необходимость включения прав на чужое действие (прав требований по обязательствам) в оборот привела к тому, что законодательство стало допускать изменения в субъектном составе обязательства, в том числе и на стороне кредитора.

Говоря о современном гражданском обороте, стоит отметить, что обязательство не рассматривается как строго личное отношение, не допускающее изменения его субъектного состава (за некоторыми исключениями) [97]. Поэтому в период действия обязательства возможна замена участвующих в нем лиц, в частности кредитора, что не влечет прекращения или изменения существа ранее возникшего обязательства, поскольку новому участнику переходят права и обязанности прежнего.

Действующее гражданское законодательство России в качестве общего правила допускает возможность перехода прав кредитора к другому лицу.

Перемена лица в обязательстве может быть результатом общего (универсального) правопреемства, в результате которого все права и обязанности лица, возникшие в силу различных оснований, переходят к другому лицу или лицам. Универсальное правопреемство имеет место в случаях, указанных в законе (ст. 387 ГК РФ).

При универсальном правопреемстве права и обязанности по конкретному обязательству переходят другому лицу как составная часть

имущества лица, ранее бывшего стороной в обязательстве. Это происходит, например, при наследовании в случае смерти гражданина.

Перемена лица в обязательстве может быть результатом частичного (сингулярного) правопреемства, когда речь идет о переходе прав или обязанностей только по конкретному обязательству.

В соответствии с п. 1 ст. 382 ГК РФ право (требование), принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или перейти к другому лицу на основании закона.

Таким образом, уступка права (требования) - это частный случай перемены кредитора в обязательстве, основанием которой является сделка, совершенная заинтересованными лицами.

1.2 Подходы к определению понятия уступки права (требования).

Существенные условия договора цессии

Традиционно уступка требования кредитора в отечественной науке именуется цессией, что в настоящее время нашло отражение и в законодательстве. Однако, не смотря на то, что история института цессии исчисляется веками, в современной российской цивилистике до сих пор отсутствует универсальное единое определение ее понятия, а так же не прекращаются споры относительно ее правовой природы.

В тоже время, в правоприменительной практике также нередко встречаются различные подходы судов к истолкованию норм из института цессии и разрешению некоторых спорных однотипных ситуаций. Эти обстоятельства, а также принятое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 №54, содержащее, в том числе разъяснения, касающиеся перехода требования на основании договора (

уступки требования), предопределяет актуальность в настоящее время темы предпринятого исследования.

С общих позиций, надо отметить, что уступка права (требования)- это соглашение (договор), где взаимное и свободное проявление воли участников. Предмет договора – это действия, связанные с передачей права (требования) от прежнего кредитора по обязательству (цедента) новому кредитору (цессионарию). Характеристика цессии, как правило, не вызывает возражений у многих цивилистов-исследователей. Однако, если рассмотреть более углубленно феномен уступки требования (цессии), то увидим, как порождаются самые разные мнения, и позиции ученых. Думается, что это связано с разным пониманием феномена цессии, ее особенностей, а также с разными методологическими особенностями подходов цивилистов к изучению.

Некоторые цивилисты придерживаются позиции, согласно которой под уступкой права требования следует понимать передаточную сделку, не создающую обязательственных правоотношений между ее участниками.

Другая группа теоретиков относит цессию к категории юридических поступков, то есть правомерных действий, которые порождают определенные юридические последствия, не зависящие от воли сторон.

Третья группа ученых под уступкой права требования понимает собирательную категорию для обозначения любых сделок, направленных непосредственно на передачу права требования [91].

Анализируя конкретные позиции авторов по вопросу определения понятия цессии, можно сказать следующее:

В частности, Л.А. Новоселова считает, что, цессия - это юридическое действие (акт), результатом которого является перемена кредитора в обязательстве и, следовательно, перемещение права требования из имущества одного лица (первоначального кредитора, цедента) в имущество другого лица (нового кредитора, цессионария) [47, с.254].

В.А. Белов в свою очередь, дает иное определения соглашению о цессии: « Договор сингулярной сукцессии (активной цессии) - это двустороннее соглашение, в силу которого одна сторона (первоначальный кредитор, цедент) передает другой стороне (новому кредитору, цессионарию) право требования исполнения обязательства третьим лицом (должником, цессионаром), а цессионарий приобретает это право требования от цедента на условиях, не ухудшающих положения должника» [12, с.140].

А.В. Вошатко отмечает, что в цивилистике сложилось понимание уступки требования как определенного соглашения между кредитором (цедентом) и другим лицом (цессионарием), результатом которого является сингулярное преемство в праве требования, т.е. переход требования от кредитора к другому лицу [16].

В.В. Почуйкин определяет уступку права (требования) (цессию) как сделку между первоначальным кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием), на основании которой к цессионарию переходит право требовать от должника совершить определенные действия или воздержаться от совершения действий в силу обязательства должника перед цедентом [86].

О.Г. Ломидзе также рассматривает уступку требования как исполнение по договору, связывающему первоначального и нового кредиторов [40].

Несмотря на принципиальные различия в подходах, стоит подчеркнуть, что основой уступки права требования законодатель определил «сделку». Конкретизируя это положение, в пример можно привести п.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», в данном Постановлении отмечается, что уступка требования производится на основании договора, заключенного первоначальным кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием) [73].

Подобного рода договор, заключенный между цедентом и цессионарием, может являться договором, предусмотренным законом или иными правовыми актами, смешанным договором или договором, который не предусмотрен законом или иными правовыми актами.

Стоит обратить внимание, что глава 24 ГК РФ не содержит специальных указаний относительно существенных условий сделок, связанных с уступкой права (требования) [94].

Перечень существенных условий договора между цедентом и цессионарием в ст. 389.1 ГК РФ не предусмотрен. Представляется, что условием о предмете данного договора выступают действия по уступке права, возникшего в рамках определенного в договоре обязательства. Заключая конкретный договор цессии, сторонам, в частности, необходимо согласовать также условие о его возмездности либо о его безвозмездности, о порядке уведомления должника, о перечне необходимых документов, подтверждающих права нового кредитора и следующие обстоятельства: уступаемое требование существует в момент уступки, если только это требование не является будущим требованием; цедент правомочен совершать уступку [22].

В то же время, судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ в своём Определении от 24.02.2015 №70-КГ14-7 указала: поскольку цель такой сделки - передача обязательственного права требования одним лицом (первоначальным кредитором, цедентом) другому лицу (цессионарию), то существенными условиями являются указания на цедента и цессионария, а также на характер действий цедента: цедент передает или уступает право требования, которое цессионарий соглашается принять или принимает [49].

1.3 Абстрактность и каузальность цессии. Распорядительный характер сделки уступки права (требования)

В связи с тем, что цессия осуществляется на основании сделки, представляется целесообразным рассмотреть один из наиболее спорных вопросов в гражданском праве о понятии основания (causa) сделки. Исследование этого материала непосредственно будет влиять на определение правовой природы сделки уступки права (требования).

В гражданском праве России различают каузальные и абстрактные сделки [27]. Каузальные сделки, это сделки, действительность для которых зависит от наличия и также осуществления каузы (основания). А вот абстрактные сделки, напротив «оторваны» от такого основания, из их содержания невозможно вывести каузу, таким образом, их действительность не зависит от наличия каузы (основания).

Хотя бы краткий ретроспективный взгляд на недавнюю отечественную историю позволяет установить, что в советский период, в соответствии с господствовавшей позицией ученых, цессия рассматривалась как самостоятельный вид договора, находящийся в тесной связи с иными договорами имущественного характера, опосредствующими передачу имущества в собственность приобретателя, в частности, договорами купли-продажи, мены, дарения [31],[45].

К настоящему времени в цивилистической теории обозначились следующие основные подходы к идентификации юридической природы цессии.

По мысли М.И. Брагинского, передача права при цессии происходит по договору, однако «этим договором является не цессия, как нередко полагают, а та сделка, на которую опирается переход права, составляющий сущность цессии» [13, с.373]. И далее, поясняя свою мысль, автор замечает, что чаще всего это договор купли-продажи, но могут быть использованы для

цессии и другие столь же традиционные гражданско-правовые договоры, опосредующие реализацию имущества, в частности мена.

Таким образом, считаем необходимым обратить внимание, как минимум на два аспекта.

Во-первых, согласно рассуждений М.И. Брагинского, передача права при цессии происходит по договору, который, однако, не является договором цессии. В качестве такого договора выступает сделка (а это может быть договор купли-продажи, мены, дарения и т.д.), на которую (сделку) «опирается переход» права. Стало быть, в такой конструкции не находится места собственно соглашению (договору) цессии, на которое бы «опирался переход» права (требования); оно здесь замещается другим договором: купли-продажи, дарения, мены и т.д. Однако, остается вопрос: для чего тогда стороны заключают договор цессии? В таком случае, согласно позиции М.И. Брагинского, и нужно было бы именовать договор цессии, как договор купли-продажи либо дарения, мены и т.д. права (требования), что, однако, не соответствовало бы действующему позитивному законодательству, касающемуся института цессии.

Во-вторых, М.И. Брагинский цессию определяет как передача права. При этом, данное обстоятельство не вызывало бы в принципиальном плане возражений, если бы М.И. Брагинский не завязывал акт передачи права (требования) - распорядительную сделку - к простому «юридико-техническому средству», посредством которого, например, «даритель выполняет действия, соответствующие предмету договора дарения» [14].

Солидарен с вышеуказанной позицией и М.В. Кротов, считая, что цессия, совершаемая за плату, может рассматриваться как разновидность купли-продажи, а безвозмездная уступка требования представляет собой форму дарения, несмотря на то, что ранее данный автор придерживался несколько иной точки зрения по описанной проблеме [38].

Однако ряд авторов декларируют другую (противоположную) позицию по поводу юридической природы цессии. Они усматривают в конструкции цессии самостоятельный (отдельный) договор (соглашение) уступки права (требования). Так, Е.А. Крашенинников полагает, что договор уступки нельзя смешивать с договором, который обосновывает обязанность совершить уступку (например, с куплей-продажей требования - п. 4 ст. 454 ГК РФ). При всем при этом, по мнению Е.А. Крашенинникова, на практике оба этих договора оформляются в одном документе, «ничего не меняет в существе дела: договор уступки есть самостоятельная абстрактная сделка, не совпадающая с лежащей в ее основании каузальной обязательственной сделкой» [37].

Большинство цивилистов, соглашаясь в том, что договор уступки права (требования) является самостоятельным (отдельным) видом договора, далее же, при более расширенном его рассмотрении, кардинально расходятся во взглядах по вопросу юридической природы договора уступки права.

На пример, одни авторы полагают, что соглашение (договор) об уступке права (требования) есть каузальная сделка, в качестве основания (causa, цели) которой выступает другой договор (купля-продажа либо мена, дарение и др.), и, соответственно, действительность соглашения об уступке напрямую зависит от действительности его основания (causa, цели). Такого мнения придерживаются М.И. Брагинский, М.В. Кротов, К.А. Горбатов и некоторые другие исследователи.

Полярной точки зрения по вопросу юридической природы цессии занимают Е.А. Крашенинников, В.А. Белов, Л.А. Новоселова, В.В. Байбак и ряд других авторов, считая передачу права (требования) как распорядительную сделку, не зависящую от ее основания (causa, цели). В частности, Л.А. Новоселова обращает внимание на то, что сделки уступки права (распорядительные сделки) могут быть совершены по самым различным основаниям; гл. 24 ГК РФ, регулирующая уступку права, не

содержит указаний об основаниях уступки, из чего можно заключить о несущественности таких оснований для совершения перехода права требования [47, с.158].

Разные взгляды авторов по поводу юридической природы цессии очень часто отражаются и в правоприменительной практике арбитражных судов.

В одних случаях арбитражные суды, установив, что к моменту заключения договора цессии cedent не обладал правом (требованием), подлежащим передаче новому кредитору (цессионарию), ссылаясь на ст. 382, 384 ГК РФ, приходили к выводу о том, что договор уступки является ничтожным [77]. Такой точки зрения придерживается Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, указав, что договор уступки требования является ничтожным, если на момент его заключения cedent уже не обладал правом на распоряжение имуществом.

Опять таки, позже, Верховный Суд Российской Федерации изложил противоположную позицию, указав, что ссылка истца на несуществование уступленного по договору права не имеет значения. Высшая судебная инстанция, сославшись на информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.10.2007 №120 (п. 1), сделала вывод о том, что недействительность требования, переданного на основании соглашения об уступке права (требования), не влечет недействительности этого соглашения. Согласно Определения Верховного Суда Российской Федерации положения гражданского законодательства по смыслу предусматривают иные последствия (п. 3 ст. 390 ГК РФ), отличные от признания договора цессии недействительным, если недействительным является передаваемое по такому договору требование [48].

Неоднократно в работах юристов-цивилистов указывается и о таком принципе, как « принцип разделения» на обязательственную и распорядительную сделки и абстракцию.

Необходимо отметить, что принцип абстракции по отношению к распорядительной (второй) сделки обращает ее независимой от обязательственной (первой) сделки. Стало быть, если признать обязательственную сделку недействительной, распорядительная сделка остается действительной, что способствует поддержанию стабильности гражданского оборота.

По мнению юристов, предлагающих принятие данной концепции, признание распорядительной сделки абстрактной способствует разрешению следующих основных проблем цессионного права:

– проблема защиты интересов должника. Так, в случае недействительности договора купли-продажи имущественного права (обязательственной сделки) должник, если он уже произвел исполнение цессионарию, освобождается от повторного исполнения cedente, так как его исполнение цессионарию считается надлежащим в результате действительности сделки цессии (распорядительной сделки) [47];

– проблема односторонней реституции при недействительности цессии.

По общему правилу при недействительности цессии право считается неперешедшим к цессионарию, при этом он уже мог исполнить свое обязательство по оплате перехода имущественного права (требования). В результате оказывается, что cedent обладает и правом, и деньгами. При введении же принципа абстракции в отношении распорядительной сделки в случае недействительности договора купли-продажи имущественного права (обязательственной сделки) сделка цессии, обуславливающая переход права (распорядительная сделка), остается действительной, и цессионарий считается получившим право требования, которое он вправе удерживать до момента возврата ему денежных средств cedentом [27, с.18-20] (cedent в этом случае получает право на иск из кондикции (ст. 1106 ГК РФ)).

В информационном письме Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. №120 (далее - информационное письмо ВАС РФ №120), в п. 1 предложен принцип разделения уступки права (требования) на соглашение об уступке (обязательственную сделку) и уступку как таковую (распорядительную сделку). Таким образом, встает вопрос: зачем вводить принцип разделения в отношении цессии на две сделки и при этом не говорить о том, что вторая сделка (распорядительная) является абстрактной? Некоторые современные авторы, например В.С. Гебутов, восприняли разъяснение п. 1 информационного письма ВАС РФ №120 именно в том смысле, что сделка цессии является абстрактной [19].

Попробуем привести доводы об отсутствии в российском законодательстве предпосылок признания цессии абстрактной сделкой, несмотря на принятие ВАС РФ информационного письма №120. Рассмотрим мнения авторов, которые выступают за то, что сделка цессии в российском праве считается абстрактной.

На первый взгляд, цессия может осуществляться в результате различных оснований (купля-продажа, дарение и т.д.), но всегда по единым правилам, установленным § 1 гл. 24 ГК РФ, поэтому она не зависит от сделки-основания и является абстрактной.

Такой позиции придерживаются В.А. Белов, А.В. Вошатко, Л.А. Новоселова, Е.А. Крашенинников. Авторы, отстаивающие данную позицию, утверждают, что цессия независимо от своей каузы осуществляется по единым правилам (ст. 382 - 390 ГК РФ). Так, например, Л.А. Новоселова утверждает: «Основной характеристикой, позволяющей определить сделку в качестве абстрактной, является характер ее связи с основаниями ее совершения...

Сделки уступки могут быть совершены по самым различным основаниям. Нормы действующего гражданского законодательства, регламентирующие собственно сделки уступки (§ 1 гл. 24 ГК РФ), не

содержат специальных указаний об основаниях уступки. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о несущественности оснований передачи права для целей регулирования собственно сделки уступки права»[47, с.35].

В свою очередь, М.И. Брагинский придерживается совершенно иной точки зрения. По его мнению цессия не может признаваться отдельным договором, потому как глава о перемене лиц в обязательстве регламентирует в основном отношения между должником и первоначальным и новым кредиторами и, совершенно не значительно, отношения между сторонами в договоре, т.е. между первоначальным и новым кредиторами.

Так же, по мнению М.И. Брагинского: «Если договор цессии - самостоятельный договор, отличный, в частности, от договора дарения, это дает возможность обойти запрет безвозмездной передачи прав, в частности, между коммерческими организациями» [13, с.469].

Согласно мнений Л.А. Новоселовой, А.В. Вошатко, Е.А. Крашенинникова в основании цессии могут лежать разные договоры и, что эти сделки нужно различать, даже если они закреплены в одном документе. [24]. Считаю, что можно согласиться с данной точкой зрения о том, что в результате цессии происходит две сделки: сделка- основание и цессия (уступка прав) .

При этом, не стоит однозначно заявлять, что сделка цессии (распорядительная сделка) является абстрактной, не зависящей от своего основания. Так, например, цессия как способ перемены лица в обязательстве в большинстве европейских кодексов помещена в раздел об общих положениях обязательственного права, т.е. ее нет в отдельных видах обязательств, однако принцип абстракции цессии принят только в германском законодательстве [1], а также в странах Южной Африки. В свою очередь, в польском гражданском праве также признают разграничение между сделкой - основанием цессии и сделкой цессии как таковой, однако категорически не признают принцип абстракции, устанавливая в ст. 510 ГК

Польша положение о том, что в случае недействительности сделки - основания цессии сделка цессии также признается недействительной [2]. В австрийском и швейцарском законодательстве также разграничивают две сделки, между тем, по вопросу введения принципа абстракции в отношении цессии ведутся споры, и он остается окончательно не разрешенным.

От того, что в российском праве нормы о цессии урегулированы в ст. 382 - 390 ГК РФ, а не в статьях об отдельных видах обязательств и, то, что цессия может совершаться по различным основаниям, не следует, что цессия является абстрактной сделкой.

В свою очередь ст. 1106 ГК РФ дает основание полагать, что цессия является абстрактной сделкой («Последствия неосновательной передачи права другому лицу»), которая гласит: «Лицо, передавшее путем уступки требования или иным образом принадлежащее ему право другому лицу на основании несуществующего или недействительного обязательства, вправе требовать восстановления прежнего положения, в том числе возвращения ему документов, удостоверяющих переданное право».

По мнению В.В. Байбака, из текста ст. 1106 ГК РФ следует, что, несмотря на недействительность обязательства, во исполнение которого совершается сделка цессии, требование все же переходит к приобретателю, однако последний обязан передать его обратно cedentu. Буквальное толкование ст. 1106 ГК РФ позволяет заключить, что в российском гражданском праве цессия является процессуально-абстрактной сделкой [7, с.146].

А.В. Вошатко, ссылаясь на содержание ст. 1106 ГК РФ, настаивает на том, что договор уступки является действительным в тех случаях, когда обязательственная каузальная сделка, лежащая в его основании, не существует или является недействительной. По его мнению, «действие договора уступки не уничтожается несуществованием или недействительностью обязательства, на основании которого он был

заклучен. Оно может быть ликвидировано только с помощью предписания, предусмотренного ст. 1106 ГК РФ» [17].

На первый взгляд, согласно ст. 1106 ГК РФ, право вроде должно переходить цессионарию путем передачи документов, которые подтверждают такие требования, однако неверность такого подхода можно найти еще в классической французской литературе [55]. Статья 1689 ФГК устанавливает: «При переходе (от одного лица к другому) требования, права или иска против третьего лица предоставление требования цедентом цессионарию производится посредством передачи документа».

В российской литературе мы не находим единой позиции по поводу того, в каком ключе рассматривать установление ст. 1106 ГК РФ.

Например, А.М. Эрделевский в своих трудах заявляет, что если предмет неосновательного обогащения является имущественное право, потерпевший, в соответствии со ст. 1106 ГК, вправе предъявить требование о восстановлении прежнего положения. Восстановление прежнего положения означает признание (подтверждение) судом наличия у потерпевшего того права, которое предполагалось переданным приобретателю, и отсутствие этого права у приобретателя.

В данном случае интересы потерпевшего защищаются иском о признании, а не о присуждении (если речь не идет об истребовании документов, удостоверяющих право). По существу, суд подтверждает факт изначального отсутствия правовых оснований для перехода права к приобретателю (например, в случае передачи права по ничтожному или незаключенному договору) либо признает это основание отпавшим с обратной силой (в случае передачи права по оспоримой сделке), поэтому судебное решение здесь по своему эффекту аналогично эффекту решения о признании недействительной сделки, исполнение которой не было начато» [36].

Автор в рамках одной ст. 1106 ГК РФ увязывает три способа защиты субъективного права, предусмотренные ст. 12 ГК РФ, с чем следует согласиться:

- взыскание из неосновательного обогащения;
- восстановление положения, существовавшего до нарушения права;
- признание права.

Неясность в вопросе о толковании ст. 1106 ГК РФ, как представляется, вносит неудачная общая формулировка о защите права цедента (которая, в свою очередь, является общей формулировкой способа защиты гражданских прав и может покрывать и возврат неосновательно полученного, и признание права) - восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Таким образом, если бы законодатель хотел указать на то, что в случае недействительности сделки у цессионария остается именно право, то он бы сформулировал норму соответствующим образом, а не регулировал в ст. 1106 ГК РФ второстепенные вопросы, касающиеся обратной передачи документов, подтверждающих права требования.

Зачастую при применении ст. 1106 ГК РФ суды решают вопрос не о возврате неосновательно полученного права ответчиком, а о возврате сторон в первоначальное положение, что является более широкой формулировкой и включает в себя вопрос о том, что при удовлетворении требований истца, основанных на ст. 1106 ГК РФ, ему возвращаются все сопутствующие праву атрибуты, которые он имел до совершения недействительной сделки цессии; при этом вопрос о возврате права судами не затрагивается.

В некоторых случаях под неосновательным обогащением в рамках ст. 1106 ГК РФ понимается не приобретенное неосновательно право, а произведенное должником исполнение по нему, что, по нашему мнению, безусловно правильно.

Часто встречающееся непонимание судами сферы применения ст. 1106 ГК РФ может быть показано на примере следующих дел, рассмотренных кассационным судом одного округа.

Так, в одном решении суд установил: «Согласно ст. 1106 названного Кодекса лицо, передавшее путем уступки требования или иным образом принадлежащее ему право другому лицу на основании несуществующего или недействительного обязательства, вправе требовать восстановления прежнего положения, в том числе возвращения ему документов, удостоверяющих переданное право.

При этом, поскольку недействительная сделка не влечет юридических последствий, то у ООО «Сарапульский СМУ» не имелось правовых оснований для получения от ОАО «Удмуртнефть» 1 472 391 руб. 02 коп. Данная сумма является неосновательным обогащением и на основании п. 1 ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации также подлежит возвращению ЗАО «Сарапульский СМУ».

При таких обстоятельствах арбитражный суд правомерно удовлетворил заявленные конкурсным управляющим ЗАО «Сарапульский СМУ» требования» [81].

При рассмотрении другого дела (с участием тех же сторон, но по другим договорам уступки) суд указал:

«Поскольку оспариваемый договор об уступке права требования к третьему лицу (ОАО «Удмуртнефть») задолженности за выполненные работы в сумме 2 447 417 руб. 94 коп. по договору подряда от 27.01.2005 №10085 является недействительным и учитывая, что переход прав кредитора по данному требованию к ООО «Сарапульский СМУ» состоялся, следовательно, ООО «Сарапульский СМУ» неправомерно за счет ЗАО «Сарапульский СМУ» завладело денежными средствами в сумме 2 447 417 руб. 94 коп.»[82].

Как видим, в первом случае суд установил, что у цессионария после признания договора цессии недействительным не имелось оснований для принятия исполнения от должника. Во втором же случае, суд мотивировал противоположную позицию о том, что даже при недействительности договора уступки права (требования) переход прав кредитора состоялся.

Итак, из буквального толкования содержания ст. 1106 ГК РФ следует, что «восстановление положения, существовавшего до нарушения права», в определенный момент право цедента было нарушено. Однако, если предположить, что право перешло по действительной абстрактной сделке цессии и находится у цессионария, то совершенно непонятно, в чем заключается нарушение права цедента, так как он передал свое право по действительной сделке.

Явно, что права цедента могли бы быть нарушены тогда, когда договор цессии (обязательственная сделка) недействителен (право осталось у цедента), при этом, цессионарий по этому договору получил или фактическое исполнение от должника либо документы, подтверждающие требования кредитора (либо и то, и другое).

Здесь думается, необходимо принять позицию К.И. Скловского, который нам указывает, что по смыслу ст. 1106 ГК РФ - если исполнение уже произведено, то нормы о реституции не применяются, а применяется только механизм кондикции; ситуация, тем самым, всецело охватывается гл. 60 ГК РФ [93]. При этом, если исполнение не произведено, то нормы о реституции также не применяются, поскольку п. 2 ст. 167 ГК РФ содержит только фактически исполненное.

В свою очередь, Горбатов Т.В. указал, что признание на уровне ВАС РФ принципа разделения в отношении цессии, имеет смысл в части договорной ответственности цедента за недействительность требования к должнику, и это не дает оснований для утверждения о том, что цессия (а точнее, распорядительная сделка цессии) является абстрактной сделкой.

Примеры современной судебной практики в части применения п. 1 информационного письма ВАС РФ №120 показывают, что участники гражданских правоотношений даже не пытаются поднимать вопрос об абстрактности сделки цессии как таковой, тем самым неосознанно подтверждая чуждость данного института российскому праву [20, с.155-173].

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что цессия является абстрактной сделкой.

2 Содержание и исполнение уступки права (требования)

2.1 Момент перехода права требования. Форма уступки права (требования)

Говоря о моменте перехода права требования от цедента к цессионарию, необходимо отметить, что, по общему правилу, оно переходит в момент заключения договора, на основании которого производится уступка, например, договоры продажи имущественного права. То есть, общее правило устанавливает немедленный распорядительный эффект.

При этом, закон или договор уступки иногда может определять отложенный переход права, таким образом, поставив его под некоторое отлагательное условие, например, в момент оплаты цены уступаемого права, или отлагательный срок. В частности, параграф 1 гл. 24 ГК РФ не содержит норм о невозможности включения в договор уступки прав положений, обуславливающих момент перехода прав исполнением обязанностей по оплате приобретаемого права. Условие договора, предусматривающее переход права после оплаты, не может являться основанием для признания этой сделки ничтожной [76].

Так, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд по делу № А50-23272/2016 постановил, что право требования уплаты с предпринимателя Галаева Ф.Ф. денежных средств в общей сумме 4 682 407 руб. (с учетом положений дополнительного соглашения) перешло к Жаркевичу К.С. в момент передачи согласованного пакета документов в полном объеме [79]. Таким образом, момент перехода права был поставлен под отлагательное условие, а право требования перешло от цедента к цессионарию с его наступлением.

Также в договоре может быть указано, что цедент обязуется выполнить совершенно самостоятельную распорядительную сделку, тогда требование

перейдет к Цессионарию в момент такого совершения отдельного соглашения. В данном случае стороны должны после заключения договора подписать отдельный распорядительный акт. Так, Судебная коллегия Липецкого областного суда определила, что суд первой инстанции неправильно проанализировал обстоятельства, с которым договор связывает момент перехода права требования [5]. Исходя из содержания п. 2.4 договора уступки прав (требований), стороны установили момент перехода права требования к цессионарию в день подписания акта приема-передачи прав (требований) по каждому реестру по форме приложения №2 к договору, а не в день поступления оплаты, как ошибочно посчитал суд первой инстанции.

Поскольку заявителем представлен подписанный сторонами акт приема-передачи от ПАО «Почта Банк» к ООО «Филберт» прав требования к Н. по кредитному договору на общую сумму уступаемых прав 280 673 руб. 34 коп., и при этом цедент ПАО «Почта Банк» не заявлял о расторжении договора цессии, не оспаривал наличие у ООО «Филберт» права требования к Н. по кредитному договору, переход права требования к цессионарию следует признать состоявшимся [5].

Кроме того, Верховный суд конструирует способ защиты прав цессионария при уклонении цедентом от подписания отдельного двустороннего документа о переходе требования: преобразовательный иск о переводе права на цессионария. В.В. Байбак и А.Г. Карапетов высказывают мнение о том, что это специфический вариант иска об исполнении обязательства в натуре [9].

Вопрос о форме уступки требования урегулирован статьей 389 ГК РФ.

Если сделка уступки права, совершена в простой письменной или нотариальной форме, то уступка должна быть совершена в соответствующей письменной форме.

Соглашение об уступке требования по сделке, требующей государственной регистрации, должно быть зарегистрировано в порядке, установленном для регистрации этой сделки, если иное не установлено законом. Такой договор, по общему правилу, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации.

Решением Арбитражного суда г. Москвы от 17.07.2018 по делу № А40-199437/17-133-1790 установлено: ИП Овсеевич Яков Иванович обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском к ответчику – АО «СТ-Инжиниринг» о взыскании неустойки в размере 1 080 103 рублей, а кроме того штрафа в размере 50% от суммы неустойки в порядке части 6 статьи 13 Закона РФ от 07.02.92 № 2300-1 «О защите прав потребителей», расходы на оплату услуг представителя в размере 50 000 рублей.

Требования основаны на ненадлежащем исполнении обязательства вытекающего из участия в долевом строительстве многоквартирного дома.

Как усматривается из материалов дела 29 ноября 2012 года между ЗАО «СТ-Инжиниринг» и ООО «Сезон» заключен Договор участия в долевом строительстве многоквартирного дома.

29 августа 2013 года между ООО «Сезон» и Лиманским Игорем Самбуевичем заключен Договор уступки прав требования по Договору участия в долевом строительстве многоквартирного дома от 29 ноября 2012 года.

Объектом долевого строительства по Договору является квартира. Срок передачи застройщиком вышеуказанного объекта долевого строительства участнику долевого строительства - не позднее 30.06.2015 г.

27 сентября 2017 года между Лиманским И.С. и ИП Овсеевич Я.Я. заключен Договор уступки права требования (цессии) № 8, по которому Цедент уступает, а Цессионарий принимает на себя право требования к АО «Ст-Инжиниринг» по обязательству уплаты неустойки в сумме 1 080 103 рубля за период с 01.08.2015 г. по 18.09.2016 г. и штрафа 50% от указанной

неустойки за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требования потребителя в размере 540 051 рубль, права на получение которых возникли у Цедента на основании Договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома от 29 ноября 2012 года и Договора уступки прав требования от 29 августа 2013 года по Договору участия в долевом строительстве многоквартирного дома от 29 ноября 2012 года, в связи с просрочкой передачи Цеденту объекта долевого строительства и отказа АО «СТ-Инжиниринг» в выплате указанной неустойки в досудебном порядке по письменному требованию Цедента.

Из материалов дела следует, что договор участия в долевом строительстве зарегистрирован в Управлении Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, а договор уступки прав требования не зарегистрирован в том же порядке, что и договор долевого участия в строительстве.

Вместе с тем, в силу части 3 статьи 4 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» договор участия в долевом строительстве заключается в письменной форме, подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом.

Соглашение об уступке требования по сделке, требующей государственной регистрации, должно быть зарегистрировано в порядке, установленном для регистрации этой сделки, если иное не установлено законом (пункт 2 ст. 389 ГК РФ).

По смыслу указанных законоположений, в случае, когда предусмотренное законом обязательное требование государственной регистрации договора не соблюдено, такой договор не имеет юридической

силы и не может иметь никаких юридических последствий, его нельзя считать заключенным.

Таким образом, права по договору участия в долевом строительстве истцу не перешли, в связи с чем, отсутствует право требования. Таким образом, судом в удовлетворении исковых требований было отказано [89].

В судебной практике самостоятельно, т.е. отдельно рассматривается тема о необходимости государственной регистрации договора об уступке права на денежное требование.

В Постановлении Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 28.07.2011 по делу № А57-6446/2010 [83] рассматривался спор о взыскании задолженности по компенсации за произведенные неотделимые улучшения предмета договора аренды. Истец полагал, что указанное право возникло у него вследствие заключения с арендатором договора цессии.

Окружной суд указал, что согласно пункту 2 статьи 389 ГК РФ уступка требования по сделке, требующей государственной регистрации, должна быть зарегистрирована в порядке, установленном для регистрации этой сделки, если иное не установлено законом.

В силу данной нормы уступка по сделке - договору аренды производственных нежилых помещений, заключенному на срок более 1 года, зарегистрированному в установленном законом порядке, также подлежала государственной регистрации в порядке, установленном для договора аренды объекта недвижимости.

Иной подход изложен в Постановлении Федерального арбитражного суда Уральского округа № Ф09-1203/12 от 14.02.2013 по делу А47-8893/2011 [84].

Проанализировав условия генерального договора факторингового обслуживания, суды установили, что все обязательства по предоставлению в аренду спорного здания остались у арендодателя, общество «Брют» уступило обществу «Кредит Европа Банк» лишь право на получение арендных

платежей по договору аренды от 08.08.2008 № 1981008/8621Д, оставаясь арендодателем и собственником недвижимого имущества, выполняя все обязанности арендодателя в соответствии с законом; общество «Кредит Европа Банк» не получило никаких правомочий в отношении недвижимого имущества, принадлежащих стороне договора аренды, - ни прав собственника, ни прав арендодателя или арендатора.

Таким образом, государственной регистрации подлежат права на недвижимое имущество, суды верно пришли к выводу о том, что генеральный договор факторингового обслуживания не подлежит государственной регистрации, ведь он не вносит никаких изменений в обременение права на недвижимое имущество, соответственно, договор уступки государственной регистрации также не подлежит [84].

Однако, несмотря на некоторую неоднозначность в судебной практике, общая тенденция идет к тому, что государственная регистрация соглашения об уступке права на денежное требование, вытекающее из договора, подлежащего государственной регистрации, является обязательной [25].

Рассмотрев требования к форме цессии и его содержание, можно сделать вывод, что сделка цессии должна быть совершена в той же форме, что и сделка, из которой возникло уступаемое требование. Особое внимание уделяется проблемам государственной регистрации договора уступки, поскольку такое законодательное требование вызывает ряд правоприменительных вопросов. В частности, целесообразность регистрации уступки денежных требований, уступки требований, вытекающих из обеспечительных вопросов, а так же особенности последствий отсутствия государственной регистрации.

2.2 Объем переходящих требований. Требования, не подлежащие цедированию

С моментом перехода прав требования неразрывно связан вопрос об объеме переходящих требований от cedentа к цессионарию. Законодатель в ст. 384 ГК РФ устанавливает несколько общих правил:

Во-первых, право переходит от первоначального кредитора к новому кредитору в том объеме, в котором оно существует на момент перехода.

Во-вторых, новый кредитор получает также права, обеспечивающие основное обязательство, в рамках которого существует право, переходящее от первоначального кредитора к новому кредитору. Новый кредитор получает принадлежавшие первоначальному кредитору права залогодержателя, права из договора поручительства, обеспечивавшего основное обязательство, права на взыскание неустойки, на проценты и др.

Так, Арбитражным судом Свердловской области от 03.10.2018 по делу №А60-30045/2018 установлено, что между Мухаметшиным С.А. (цедент) и ООО «Деал Консалтинг» (цессионарий) заключен договор уступки права требования, в соответствии с условиями которого цедент уступает, а цессионарий принимает принадлежащее цеденту, как потерпевшему, право требования возмещения ущерба, причиненного повреждением в результате дорожно- транспортного происшествия принадлежащего цеденту транспортного средства БМВ Х5, включая требование о возмещении указанных убытков за счет страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, а также связанное с данным правом требование законной неустойки, финансовой санкции, компенсации убытков в виде оплаты услуг оценщика (эксперта) по определению размера ущерба, почтовых и иных расходов (п. 1 договора).

В пункте 70 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №58 от 26.12.2017 г. разъяснено, что право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, включая права, связанные с основным требованием, в том числе право требования к страховщику, обязанному осуществить страховую выплату в соответствии с Законом об ОСАГО, уплаты неустойки, суммы финансовой санкции и штрафа.

По смыслу указанной нормы закона, уступка права (требования) задолженности означает, что, если иное не определено cedentом и цессионарием, новому кредитору от первоначального кредитора переходят также права, обеспечивающие исполнение обязательства (в том числе неустойка как важнейший способ обеспечения исполнения обязательства), право (требование) на уплату суммы неуплаченных процентов - без дополнительного оформления их договором уступки.

Таким образом, право требования к лицу, ответственному за убытки, перешло к истцу в установленном законом порядке [90].

В-третьих, право переходит к новому кредитору на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. Вышеуказанные положения также нашли свое отражение в п. 4 Постановлении Пленума Верховного суда РФ №54.

Несмотря на то, что позиция о невозможности передать первоначальным кредитором новому кредитору больше прав, чем он имеет сам, представляется весьма логичной, в ряде случаев закон признает за кредитором определенные права при наличии у него потребительского статуса. В частности абзац 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ №54 устанавливает, что на основании закона новый кредитор в силу его особого правового положения может обладать дополнительными правами, которые отсутствовали у первоначального кредитора, например правами,

предусмотренными Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 №2300-I «О защите прав потребителей».

Верховный суд РФ установил, что при уступке кредитором (юр.лицом) своих прав потребителю, последний уже в своих отношениях с должником может претендовать на установленные законодательные гарантии (например, на взыскание морального вреда при нарушении договора и штрафов, установленных в Законе «О защите прав потребителей» [52].

Особо оговаривается, что денежное обязательство может перейти к другому лицу в части, поскольку законом (и только законом) не установлено иное.

Такой вывод подтверждается и в судебной практике. В частности, Первый арбитражный апелляционный суд от 03.10.2018 № 01АП-7462/2018 по делу № А79-5462/2018 обращает внимание на следующий момент:

Из определения суда от 12.04.2018 по делу № А79-8733/2017 следует, что 15.03.2018 между ООО «Алекс» (цедент) и Козловым Алексеем Гурьевичем (цессионарий) заключен договор уступки права требования, по условиям которого Козлов А.Г. принимает право требования к ООО «Евро Технологии» по исполнительному листу серии ФС № 020240948, выданному Арбитражным судом Чувашской Республики 12.03.2018 по делу № А79-8733/2017, и решению Арбитражного суда Чувашской Республики от 17.11.2017 по делу № А79-8733/2017 (пункт 1 договора).

С учетом состоявшегося судебного акта по делу № А79-8733/2017 в данном случае суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что Козлову А.Г. по договору цессии передано лишь право требования уплаты долга [72].

Переход права требовать частичного исполнения иного (неденежного) обязательства допустим при наличии ряда условий.

Во-первых, это возможно, если обязательство является делимым. Отмечается, что установление данного правила обусловлено спецификой

предмета обязательства. Например, если предметом обязательства является неделимая вещь (ст. 133 ГК РФ), то уступить часть права на получение этой вещи невозможно.

Во-вторых, частичная уступка допустима, если она не делает для должника исполнение его обязательства значительно более обременительным. При этом, что можно понимать под термином «значительно более обременительным» четко не указывается, данная категория является оценочной. По нашему мнению, вышеуказанная норма предполагает, что не должно быть существенного ухудшения положения должника с точки зрения правовой, экономической, организационной и пр.

Если уступка права повлекла расходы должника, которые можно квалифицировать как необходимые, то они возмещаются солидарно первоначальным и новым кредиторами (п. 4 ст. 382 ГК РФ). Но ухудшение положения должника может выразиться не только в несении расходов, вызванных уступкой. Могут быть и иные неблагоприятные последствия (например, был один кредитор, а после уступки стало три, четыре кредитора и т.п.) [56].

В-третьих, эти правила применяются постольку, поскольку иное не установлено законом или договором.

При этом п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 54 указывает, что в случае, когда осуществленная без согласия должника уступка требования неденежного исполнения, в том числе частичная в делимом обязательстве, делает для должника исполнение его обязательства значительно более обременительным, должник вправе исполнить обязательство cedente.

Таким образом, законодатель устанавливает ряд правил и ограничений, относящихся к объему переходящих от cedente к цессионарию требований, в том числе по денежному и иному (неденежному) обязательству.

Необходимо отметить, что в судебной практике достаточно часто встречаются случаи, когда должники пытаются признать договор цессии незаключенным, однако суды отказывают в удовлетворении таких исков по причине того, что должниками не доказывается, что существуют разногласия по предмету сделки, что условия договора не согласованы [64].

По общему правилу ГК РФ допускает цессию разного рода требований по различным обязательствам. Однако из этого правила существуют исключения, которые нам представляется важным проанализировать в настоящей работе.

Первым исключением можно обозначить требования, уступка которых противоречит закону.

П. 1 ст. 388 ГК РФ закрепляет, что уступка требования кредитором (цедентом) другому лицу (цессионарию) допускается, если она не противоречит закону.

Данная норма закрепляет свободу оборота обязательственных прав, которые могут быть переданы третьим лицам на основании сделки уступки. Единственным препятствием для перехода обязательственного права в результате уступки является противоречие закону.

Цессия, нарушающая законодательный запрет, который, как правило, устанавливается в интересах третьих лиц (должника и иных субъектов), признается ничтожной сделкой по п.2 ст. 168 ГК РФ [26].

В п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 54 также указывается, что уступка права, совершенная в нарушение законодательного запрета, является ничтожной (пункт 2 статьи 168 ГК РФ, пункт 1 статьи 388 ГК РФ).

В качестве примера можно привести следующий. Так, в одном из дел Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа, отказывая в удовлетворении кассационной жалобы на судебные акты, которыми договор уступки права требования был признан недействительным, указывает, что исходя из

представленных в материалы дела доказательств, подтверждающих наличие дебиторской задолженности, и с учетом нормативного регулирования отношений, связанных с возмещением недополученных доходов от производственной деятельности суды пришли к выводу о наличии запрета на получение субсидии без подтверждения основным кредитором права на ее получение (при отсутствии доказательств обращения конкретного получателя бюджетных средств за возмещением издержек к обязанному лицу). В рассматриваемом случае суды истолковали положения Бюджетного кодекса Российской Федерации, законодательных актов субъекта Российской Федерации как фактически содержащие запрет уступки права на получение субсидии. С учетом того, что первоначальный кредитор в рамках отношений, связанных с получением субсидии, допустил недобросовестное бездействие (не заявил свое право на субсидию), то в данном случае имеют правовое значение обстоятельства, связанные с наличием личного заявления кредитора о возникновении у него прав на получение такой субсидии [58].

И еще один пример. Буквально недавно, Верховный суд РФ Определением №307-ЭС21-22821 от 15.03.2022г., ссылаясь на нормы части 18 статьи 155 ЖК РФ так же указал на запрет уступки права (требования) по возврату просроченной задолженности по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги в отношении просроченной задолженности физических лиц. Данная норма является "гарантией защиты прав граждан от действий, связанных с взиманием просроченной задолженности по жилищно-коммунальным платежам путем передачи таких полномочий коллекторам, а также иным непрофессиональным участникам рынка жилищно-коммунальных услуг" [54].

Последующие два исключения непосредственно связаны с личностью кредитора. Одно из них установлено в императивной норме ст. 383 ГК РФ: «Переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах и о возмещении вреда,

причиненного жизни или здоровью, не допускается». То есть это, так называемые, строго личные или высоко персонифицированные требования.

Второе ограничение цессии, установлено в диспозитивной норме п. 2 ст. 388 ГК РФ: «Не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника». При этом анализируя, имеет ли личность кредитора существенное значение для должника в данном случае, необходимо исходить из существа обязательства. Если стороны установили в договоре, что личность кредитора имеет существенное значение для должника, однако это не вытекает из существа возникшего на основании этого договора обязательства, то подобные условия следует квалифицировать как запрет на уступку прав по договору без согласия должника (п. 10 Постановления Пленума Верховного суда РФ №54).

Четкого разграничения между нормами ст. 383 и п. 2 ст. 388 ГК РФ многие цивилисты не проводят. А.В. Пушкина справедливо отмечает, что п. 2 ст. 388 ГК РФ можно рассматривать как частный случай ст. 383 ГК РФ, регулирующий запрещение цессии [88].

С другой точки зрения подходит В.В. Почуйкин, который отмечает, что нормы ст. 383 ГК РФ делают акцент на требование, которое неразрывно связано с личностью кредитора и которое по действующему законодательству ни при каких условиях не может быть уступлено, в свою очередь, п. 2 ст. 388 ГК РФ - на личность кредитора, которая имеет существенное значение для должника, но при этом само требование является уступаемым [85]. Таким образом, автор подчеркивает, что нормы вышеуказанных статей направлены на регулирования различных вопросов.

Проведя анализ требований, которые не подлежат цедированию, можно сделать вывод, что это уступка права требования, которая противоречит закону, т.е. имеет прямой запрет на такую сделку. А так же, существуют ограничения по уступке права требования, которые связаны непосредственно

с личностью кредитора. Цессия, нарушающая законодательный запрет, которая, как правило, устанавливается в интересах третьих лиц (должника и иных субъектов), признается ничтожной сделкой.

2.3 Значение личности кредитора при уступке права (требования)

Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 Постановления Пленума Верховного суда РФ №54 дает установку судам анализировать обязательство, возникшее между cedentом и должником, однако не приводит даже примера, когда личность кредитора имеет существенное значение для должника.

Судебная практика сводится к тому, что в подавляющем числе случаев совершения уступки личность кредитора для должника не имела существенного значения, даже если должник ссылается на данное обстоятельство. Однако в большинстве судебных актов суды лишь формально ссылаются на несущественность личности кредитора для должника, не приводя мотивы, исходя из которых был сделан такой вывод [59].

По нашему мнению, Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного суда РФ №54 правильно предлагает судам исходить из существа обязательства для целей применения п. 2 ст. 388 ГК РФ, поскольку имеется необходимость исследовать взаимосвязь в обязательстве, которая сложилась между должником и cedentом, в каждом конкретном случае.

Решение проблемы определения существенного значения кредитора для должника при уступке права (требования) носит явный практический характер, поскольку у участников гражданского оборота отсутствуют четкие критерии существенности личности кредитора, что создает риски признания сделок по уступке прав недействительными по причине совершения их без согласия должника. Такое положение дел создает неопределенность и

неустойчивость оборота прав. При этом возникают ситуации, когда суды в сходных случаях могут по-разному определить, является ли личность кредитора существенной для должника.

Для иллюстрации вышесказанного приведем пример, связанный с уступкой права (требования) по договорам банковского счета и вклада.

Индивидуальный предприниматель Терехов А.С. обратился в Арбитражный суд Ростовской области с иском к ОАО «Акционерный коммерческий банк содействия коммерции и бизнесу» о взыскании 1 000 000 рублей депозита в размере неснижаемого остатка и 149 562 рублей 84 копеек начисленных на эту сумму процентов, право требования которых перешло ему на основании договора уступки права, заключенного с организацией.

Отказывая в удовлетворении требований, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа отметил следующее. В отношениях банка и вкладчика личность вкладчика имеет для банка существенное значение. Если вкладчиком является юридическое лицо, то переоформление прав вкладчика с юридического лица на физическое лицо требует закрытия счета по депозиту юридического лица, заключения договора по депозиту с физическим лицом и открытия нового счета по депозиту физическому лицу, к которому согласно п. 3 ст. 834 ГК РФ применяются правила о договоре банковского счета (гл. 45), если иное не предусмотрено правилами данной главы или не вытекает из существа договора банковского вклада. При открытии счета по депозиту в соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 7 августа 2011 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» банк обязан идентифицировать клиента, а согласно п. 5 этой же статьи кредитным организациям запрещается открывать счета (вклады) физическим лицам без личного присутствия лица, открывающего счет (вклад), либо его представителя, поэтому у банка должно быть запрошено согласие на уступку

требования по договору депозита, после его получения новые вкладчики должны явиться в банк для подписания договора банковского вклада [70].

В другом деле Верховный Суд РФ указал, что действующее законодательство не содержит положений, препятствующих передаче прав по договору банковского счета, в частности, ввиду отсутствия как неразрывной связи прав по такому обязательству с личностью кредитора, так и существенного значения личности кредитора для должника в рамках названной договорной конструкции (ст. 383, п. 2 ст. 388, ст. 845 ГК РФ) в связи с чем, такая уступка права является действительной [33].

Существо обязательств в приведенных спорах не содержит принципиальных различий, однако судами сделаны совершенно противоположные выводы, что говорит о непредсказуемости последствий совершения сделок по уступке права без согласия должника в контексте п. 2 ст. 388 ГК РФ в отсутствие критериев определения существенности личности для должника.

В Модельных правилах европейского частного права и в Принципах УНИДРУА также отсутствуют решения рассматриваемой проблемы. Модельные правила запрещают цессию в тех случаях, когда в силу существа исполнения или отношений с должником и кредитором от должника нельзя разумно требовать предоставления исполнения кому-либо, кроме кредитора (п. 1 ст. III.-5:109) [3].

В Принципах УНИДРУА указано, что согласие должника необходимо получить, если обязательство в конкретных обстоятельствах в существенном объеме имеет личный характер (п. 2 ст. 9.1.7) [87].

В целях определения ситуаций для применения п. 2 ст. 388 ГК РФ необходимо понимать, что означает «существенное значение» личности кредитора для должника.

С. В. Сарбаш, приводя пример существенности личности кредитора для должника, предположил, что должник, исходя из характера договорного

обязательства, не вступил в это обязательственное отношение, если бы на стороне кредитора участвовал другой субъект, другое лицо [92].

Такие обязательственные правоотношения возникают из фидуциарных сделок. Фидуциарные сделки (от лат. *fiducia* – доверие) – это сделки, основанные на особых, лично-доверительных отношениях сторон. Утрата сторонами такого характера взаимоотношений дает возможность любой из них в одностороннем порядке отказаться от исполнения сделки (например, в договоре поручения как поверенный, так и доверитель вправе в любое время отказаться от его исполнения без указания мотивов).

Классическими примерами фидуциарных сделок являются договор о совместной деятельности (договор простого товарищества), договор поручения, договор дарения. Поскольку стороны, заключая такие сделки, исходят из существенного для них значения контрагента в силу доверительных отношений, то смена кредитора для каждой из сторон, по нашему мнению, должна происходить исключительно с их согласия.

Как указывает В. А. Белов, в абз. 2 п. 2 ст. 617 ГК РФ содержится возможность присутствия личного элемента в договоре аренды. Далее он пишет: «...по существу, перед нами частный случай гипотезы п. 2 ст. 388, т. е. случая, в котором личность арендатора как «кредитора» (или, вернее, управомоченного лица) имеет существенное значение для арендодателя как субъекта, обязанного претерпевать разного рода неудобства, сопряженные с использованием его имуществом» [11].

Признание личности кредитора существенной для должника в обязательствах, возникающих из фидуциарных сделок, осуществляется и на уровне судебной практики. В подтверждение своей позиции отмечаем п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 июля 2000 г. № 56 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве», в котором указана невозможность совершения уступки права по договору о совместной деятельности без

согласия должника, поскольку личность его участника имеет существенное значение [29]. Действительно, в договоре простого товарищества связь между его участниками является практически неразрывной, что, например, подтверждается тем, что по общему правилу смерть одного из товарищей влечет прекращение всего договора (п. 1 ст. 1050 ГК РФ), поэтому изменение кредитора невозможно без согласия всех участников простого товарищества.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что существенность личности кредитора может определяться при вступлении в обязательственное правоотношение, вытекающее из сделок, имеющих личный характер.

Разумеется, существенность личности кредитора для должника может определяться не только при заключении сделок, но и в ходе их исполнения.

Цессией является сделка по замене кредитора, когда такая замена происходит по воле первоначального кредитора (цедента) и нового кредитора (цессионария). При совершении уступки права не предполагается замена стороны по сделке, в двусторонних сделках у цедента остается обязанность исполнения встречного обязательства в пользу должника.

При этом сделка может включать неразрывное двустороннее обязательство, под которым понимается невозможность исполнения кредитором (цедентом) обязательства в случае уступки своего права другому лицу, в связи с чем совершение такой уступки права будет в значительной степени лишать должника того, на что он рассчитывал, следовательно, личность первоначального кредитора будет иметь для должника существенное значение.

Данное утверждение следует рассмотреть на примере случая из судебной практики.

Между сторонами спора было заключено мировое соглашение, в соответствии с которым ответчик обязан передать истцу исключительное право на товарный знак, а истец – заключить с ответчиком лицензионный

договор, предоставляющий последнему право использования данного товарного знака. В последующем истец заключил с индивидуальным предпринимателем соглашение об уступке права требовать передачи исключительного права на товарный знак. Индивидуальный предприниматель обратился в суд с заявлением о процессуальном правопреемстве, в котором ему было отказано в силу следующего.

Как отметил суд, отчуждение товарного знака истцом в пользу предпринимателя приводит к тому, что ответчик лишается возможности получить право использования (по лицензионному договору) спорного товарного знака, поскольку исключительное право на товарный знак в результате такого отчуждения не принадлежит лицу, которое должно стать лицензиаром. В связи с установленными обстоятельствами суд пришел к выводу о том, что в силу содержания утвержденного судом мирового соглашения личность лица, которому ответчик передает исключительное право на товарный знак, имеет для него существенное значение, поскольку в силу особенностей рассматриваемого правоотношения именно истец должен предоставить ответчику встречное исполнение в виде предоставления права использования по лицензионному договору отчуждаемого по мировому соглашению товарного знака.

На основании изложенного судом, сделка по уступке права (требования) была признана недействительной в силу п. 2 ст. 168 ГК РФ [78].

Таким образом, полагаем, что существенность личности кредитора присутствует для должника и в том случае, когда в результате совершения цессии он лишается возможности получить встречное удовлетворение от cedента в рамках существовавшего между ними обязательства.

В обязательствах, не связанных с денежным исполнением, ситуации, когда личность кредитора будет иметь существенное значение для должника, представить гораздо легче, чем в обязательствах, связанных с денежным исполнением. Проанализировав сложившуюся судебную практику, можно

посчитать, что по общему правилу личность кредитора не имеет значения для уступки права (требования) по денежным обязательствам. Такой же вывод сделан Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 22 октября 2013 г. №64-КГ13-76 [51]. Аналогичного мнения придерживаются и большинство научных исследователей в частности, В. В. Почуйкин, В. В. Витрянский, Л. А. Новоселова [88].

Однако в судебной практике встречаются исключения из вышеуказанного общего правила. Рассмотрим один из таких примеров.

Акционерное общество «Ставропольская ГРЭС» обратилось в Арбитражный суд Карачаево-Черкесской Республики с иском к акционерному обществу «Карачаево-Черкесскэнерго» о взыскании пеней за просрочку платежей за потребленную электроэнергию. Судом требование было удовлетворено. В последующем в рамках исполнительного производства АО «Ставропольская ГРЭС» уступило право требовать задолженность гражданину Н. Г. Украинскому. Отказывая в совершении правопреемства Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что особый характер отношений сторон, определенных названным договором (целевой характер получаемых прежним кредитором средств, предусмотренная договорами возможность погашения задолженности посредством внутриотраслевых взаимозачетов, совершения компенсационных сделок и т. д.), указывает на существенное значение связей именно кредитора и должника. В силу этого уступка не могла быть совершена без согласия последнего [75].

В данном деле следует особое внимание уделить такому обстоятельству, выделенному судом и влекущему существенность личности кредитора для должника, как целевой характер денежных средств, передаваемых кредитору, поскольку данное обстоятельство может ярко

продемонстрировать, когда личность кредитора будет являться существенной для должника в обязательствах с денежным исполнением.

Не про каждый случай получения кредитором денежных средств с целевым назначением можно говорить о существенном значении кредитора для должника. Полагаем, что целевой характер денежных средств влияет на значение личности кредитора только тогда, когда денежные средства передаются кредитору в целях исполнения последним принятого на себя обязательства.

Приведем пример.

Между обществом (заказчик) и предприятием (подрядчик) заключен договор строительного подряда, в соответствии с которым заказчик осуществляет авансирование выполняемых работ. Договором предусмотрено, что денежные средства, перечисляемые в качестве аванса, обладают целевым назначением – для приобретения необходимых материалов, оплаты работ субподрядчиков, аренды строительной техники. Денежные средства перечисляются подрядчику на счет в определенном банке, который осуществляет мониторинг их расходования в рамках договора банковского сопровождения.

Полагаем, что в таком случае уступка подрядчиком требования об уплате аванса другому лицу влечет значительный риск для должника, выражающийся в вероятном неисполнении в полном объеме обязательств подрядчиком в результате получения денежных средств, предназначенных для исполнения обязательства определенным лицом (подрядчиком), иным субъектом. У должника могут возникнуть вполне обоснованные опасения, что кредитор не сможет приобрести материалы, арендовать технику, оплатить работы субподрядчиков, а также в целом выполнить работы по договору. При этом полученные денежные средства от цессионария за уступаемое требование cedent вправе расходовать по своему усмотрению, в том числе не связанному с исполнением обязательства перед заказчиком.

В связи с совершением такой уступки требования должник может быть значительно лишен того, на что он рассчитывал, поэтому личность первоначального кредитора для него приобретает существенное значение.

В ситуации, когда денежные средства предназначаются для оплаты уже выполненных работ, оказанных услуг, поставленного товара и т.д., для должника не имеет значения, кому осуществлять исполнение: первоначальному кредитору или иному лицу, к которому перешло право требовать оплату.

Относительно последствий совершения сделки по уступке права без согласия должника по обязательству, в котором для последнего личность кредитора имеет существенное значение, представляется, что существуют два варианта решения указанной проблемы.

По мнению авторов комментариев к Постановлению Пленума Верховного суда РФ №54, в данной ситуации должна применяться ст. 173.1 ГК РФ о совершении сделки без согласия третьего лица, требуемого в силу закона.[8]. Следовательно, сделка может быть признана недействительной, только если должником будет доказано, что цессионарий знал или должен был знать о необходимости такого согласия и его отсутствии. Авторы комментариев считают, что при подобном подходе добросовестный цессионарий получает достаточно надежную защиту, с чем трудно не согласиться.

Однако на должника ложится практически непосильное бремя доказывания. Во-первых, должник обязан доказать суду, что в обязательстве личность кредитора имела для него существенное значение. Во-вторых, должник обязан доказать, что о существенном значении для него цедента знал и цессионарий. С учетом того, что понятие «существенное значение» в контексте п. 2 ст. 388 ГК РФ является оценочным, без четких критериев его определения, доказывание должником второго обстоятельства становится практически невозможным, так как цессионарий мог из известных ему

фактов вполне обоснованно предполагать, что личность cedenta не имеет существенного значения для должника.

Полагаем, что применение первого варианта будет существенно нарушать принцип недопустимости ухудшения положения должника при совершении уступки права (требования). Указанный принцип является базовым, основополагающим принципом цессионного права. Верховный Суд РФ указал, что этот принцип следует из идей равенства участников гражданских отношений, свободы договора, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав (п. 1 ст. 1 ГК РФ) [53].

Другим вариантом решения обозначенной проблемы видится признание сделки по уступке права, совершенной без согласия должника, ничтожной, поскольку нарушается явно выраженный запрет, установленный законодательством. По смыслу п. 2 ст. 388 ГК РФ словосочетание «не допускается» явно выражает запрет на совершение уступки права без согласия должника в случаях, когда личность cedenta имеет для него существенное значение.

В соответствии с п. 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы [74].

При применении судами в таких случаях п. 2 ст. 168 ГК РФ защита должника будет обеспечена должным образом, поскольку на нем не будет лежать чрезмерное бремя доказывания, а цессионарий, в свою очередь, не лишен права потребовать от cedenta возврата полученного по сделке.

В настоящее время судебная практика идет по пути применения п. 2 ст. 168 ГК РФ. Например, это можно увидеть в ранее рассмотренном постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25 января 2019 г. по делу № СИП-615/2015.

Поддерживаем точку зрения, высказанную А.А. Марцуном о том, что для устранения имеющейся проблемы, связанной с определением существенности личности кредитора для должника, а также с определением последствий совершения уступки права без согласия должника в контексте п. 2 ст. 388 ГК РФ Пленуму Верховного Суда РФ в постановлении от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» необходимо изменить пункт 10 и изложить его в следующей редакции:

«Личность кредитора признается для должника существенной, когда имеющаяся между должником и кредитором связь возникла в результате заключения сделки, обладающей лично-доверительным характером, либо если связь возникла при заключении иных сделок в случае, когда разрыв связи при совершении уступки права влечет или может повлечь значительное лишение для должника того, на что он был вправе рассчитывать при заключении сделки с кредитором, в частности, если при совершении сделки по уступке требования возникает реальная невозможность исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части или возникает риск неисполнения/ненадлежащего исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части.

При оценке того, имеет ли личность кредитора в обязательстве существенное значение для должника, для целей применения пункта 2 статьи 388 ГК РФ необходимо исходить из существа обязательства.

По общему правилу, личность кредитора не имеет значения для уступки права (требования) по денежным обязательствам. Судам необходимо учитывать, что исключения из приведенного правила должны приниматься с учетом абзаца первого настоящего пункта. Например, личность кредитора признается существенной для должника, когда денежные средства

предназначаются кредитору, в том числе в целях исполнения последним принятого на себя обязательства.

Если стороны установили в договоре, что личность кредитора имеет существенное значение для должника, однако это не вытекает из существа возникшего на основании этого договора обязательства, то подобные условия следует квалифицировать как запрет на уступку прав по договору без согласия должника (пункт 2 статьи 382 ГК РФ).

Последствием совершения сделки по уступке права (требования) по обязательствам, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника, является ее ничтожность в силу пункта 2 статьи 168 ГК РФ» [41].

Подводя итог настоящему разделу в рамках поставленной проблемы относительно определения существенности личности кредитора для должника, считаем, что личность кредитора признается для должника существенной, когда имеющаяся между должником и кредитором связь возникла в результате заключения сделки, обладающей лично-доверительным характером, либо если связь возникла при заключении иных сделок в случае, когда разрыв связи при совершении уступки права влечет или может повлечь значительное лишение для должника того, на что он был вправе рассчитывать при заключении сделки с кредитором, в частности, если при совершении сделки по уступке требования возникает реальная невозможность исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части или возникает риск неисполнения/ненадлежащего исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части.

3 Некоторые проблемы института цессии в правоприменительной практике

3.1 Уступка права (требования) по предварительному договору

В связи с введением Федеральным законом от 08.03.2015 №42-ФЗ статьи 429.2 ГК РФ, посвященной опциону на заключение договора, все большую релевантность приобретает вопрос о применении некоторых положений вышеуказанной статьи по аналогии к статье 429 ГК РФ – предварительному договору.

Особую актуальность представляет уступка возникающего из предварительного договора права на заключение основного (будущего) договора, о чем и пойдет речь в настоящем параграфе.

Представляется возможным обозначить такую проблему, как допустимость уступки права на заключение основного (будущего) договора в рамках института цессии. В связи с этим, необходимо проанализировать, каким образом заявленная проблема решается в юридической литературе и судебной практике.

В доктрине существует несколько точек зрения.

Первая позиция была высказана Скловским К.И. Он отмечал: «Предварительным договором никак не могут охватываться конкретные имущественные обязательства, например, по передаче имущества или выполнению работ». Исходя из того, что в буквальном смысле предварительный договор признается неимущественным, им был сделан вывод об исключении возможности правопреемства третьими лицами [93].

Такая точка зрения, по нашему мнению, имеет место, прежде всего, потому, что в соответствии с п. 1 ст. 429 ГК РФ, по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче

имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором.

Следовательно, предварительный договор - это соглашение сторон, обязывающее их к заключению основного, а именно, имущественного договора в будущем.

В связи с тем, что предварительный договор можно отнести к организационным договорам, согласно классификации гражданско-правовых договоров, который направлен на организацию передачи или получение имущества и иных благ в будущем, то и имущественные обязательства вытекают только непосредственно из основного договора, а предварительный договор представляется расценивать как неимущественный с последующей невозможностью цессии.

Вторая точка зрения принадлежит П.А. Меньшенину. Она сводится к тому, что обязательство по заключению основного договора неразрывно связано с личностями должника и кредитора, а также требует личного исполнения должника. Следовательно, им делается два вывода:

– исполнение такого обязательства не может быть возложено должником на третье лицо;

– не допускается уступка права (требования) заключить договор [43].

Справедливо замечено, что согласно ст. 383 ГК РФ, переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, не допускается.

В свою очередь, Постановление Пленума Верховного суда РФ № 54 устанавливает, что при запрете на уступку другому лицу прав (требований), если их исполнение предназначено лично для кредитора-гражданина либо иным образом неразрывно связано с его личностью, следует принимать во внимание существо уступаемого права и цель ограничения перемены лиц в обязательстве.

Стоит указать, что принимая во внимание принцип свободы договора, нельзя требовать от должника заключить основной договор с иным лицом,

чем изначально предполагалось, против его воли. В этом и состоит неразрывность связи права с личностью кредитора.

Г. Дернбург также отмечал недопустимость цессии требования из «*acta de contrahendo*» [23].

Третье мнение высказывалось доктором юридических наук В.В. Витрянским, который разделял позицию упомянутых в исследовании авторов. Отвечая на вопрос, можно ли уступить возникшее из предварительного договора право на заключение основного договора по аналогии с п. 7 ст. 429.2 ГК РФ, допускающим уступку права на заключение договора по опциону, пришел к выводу о невозможности ее применения. Мотивировал он это тем, что конструкции опциона и предварительного договора являются самостоятельными, а, следовательно, правоотношения в данном случае не являются сходными. Автор заявляет: «Для того чтобы сделать возможной уступку права из предварительного договора, требуется специальное указание закона» [15].

Несмотря на существующие мнения, возможны и иные взгляды на заявленную проблему.

Противоположной позиции, в частности, придерживается В.А. Микрюков. Он указывает: «Отсутствие имущественного содержания соответствующего правоотношения, его несводимость к обычному обязательству по смыслу статьи 307 ГК РФ отнюдь не означают его личный характер» [44].

Таким образом, автор допускает возможность замены кредитора в обязательстве, возникшем из предварительного договора.

Его точку зрения разделяет Е.Б. Подузова, которая не исключает уступку права (требования) в обязательствах по организации договорных связей, хотя и подчеркивает особую важность конкретной личности контрагента [57].

Проанализировав различные мнения ученых, справедливо можно отметить, что в юридической литературе не существует единого мнения по данной проблеме.

В таком случае целесообразно рассмотреть данный вопрос не только с доктринальной позиции, но и с точки зрения его разрешения в судебной практике.

Например, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.05.2015 по делу № А56-67921/2013 спор возник в результате ненадлежащего исполнения обязательств по предварительному договору купли-продажи жилого помещения от 02.04.2008 № ИК5105-Б-ШО/25_I-1, сторонами которого являются Филиппов А.А. и ООО "Г.С.К.", действовавший от имени ООО "ЛП"; впоследствии право требования взыскания с ООО "ЛП" процентов за пользование чужими денежными средствами, неустойки, убытков по предварительному договору переуступлено Филипповым А.А. по договору уступки прав (цессии) от 03.07.2013 № 23 предпринимателю Тенишеву Т.Р.; решением суда от 12.02.2014 удовлетворены требования предпринимателя о взыскании с ООО «ЛП» процентов за пользование чужими денежными средствами.

Однако Филипповой М.О. была подана апелляционная, а впоследствии кассационная жалоба на определение апелляционной инстанции, в которой она ссылается на договор цессии от 20.11.2014, заключенный с Филипповым А.А., по которому последний уступил Филипповой М.О. право требования к Тенишеву Т.Р. 1 500 000 руб. за уступленное Тенишеву Т.Р. право требования к ООО «ЛП», вытекающее из предварительного договора.

Суд апелляционной инстанции, проанализировав материалы дела, установил, что решение суда первой инстанции принято о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле, и не затрагивает права и законные интересы Филипповой М.О.

В связи с этим апелляционный суд признал, что Филиппова М.О. не имеет права на обжалование решения и прекратил производство по ее жалобе. Доводы Филипповой М.О., изложенные в кассационной жалобе, сводятся к ее несогласию с произведенной судом первой инстанции оценкой представленных в дело доказательств, и применением норм материального права, что не может свидетельствовать о нарушении судом апелляционной инстанции [67].

Учитывая изложенное, суд кассационной инстанции не находит оснований для удовлетворения жалобы.

Таким образом, в ряде судебных актов специально не дается оценка правомерности сделок, направленных на уступку права на заключение будущего договора, однако и не подвергается сомнению.

Существует мнение, согласно которому перемена лиц в обязательстве из предварительного договора допускается в пределах, предусмотренных правилами главы 24 ГК РФ [80].

Кроме того, в постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.09.2014 по делу № А23-743/2014 конкретизируется: гражданским законодательством допускается возможность перемены лиц в обязательстве - переход права кредитора к другому лицу: замена кредитора в обязательстве, § 1 главы 24 ГК РФ. При этом каких-либо ограничений в отношении замены лиц применительно к предварительному договору, в том числе по предварительному договору аренды, законом не предусмотрено [71].

Также в Определении Липецкого областного суда от 23.10.2013 по делу №33-2806/2013 делается вывод о том, что поскольку обязательства, предусмотренные предварительным договором как по заключению в будущем основного договора купли-продажи имущества (п. 1 ст. 429), так и по возврату задатка в случае неисполнения договора, не являются

обязательствами, неразрывно связанными с личностью должника, то они переходят к наследникам умершего гражданина [50].

Следовательно, в некоторых решениях суды указывают на сохранение обязательств по предварительному договору в случае смерти одного из участников договора.

Проанализировав ряд судебных решений, можно утверждать о том, что суды допускают возможность уступки права (требования) по предварительному договору, либо не высказывают определенного мнения, но в то же время не устанавливают прямого запрета цессии в подобного рода случаях.

Заявленная проблема остается дискуссионной в юридической литературе, поскольку ученые не пришли к единому пониманию о допустимости уступки права на заключение основного (будущего) договора.

Несмотря на то, что правоприменители в судебных решениях не высказывают категорического запрета относительно цессии по предварительному договору (а в некоторых случаях даже допускают ее), данный аспект нередко остается за рамками судейского анализа в отношении рассматриваемого спора.

По нашему мнению, позиция, согласно которой уступка права (требования) по предварительному договору невозможна, является наиболее состоятельной по двум причинам.

Во-первых, принимая во внимание принцип свободы договора, невозможно понудить должника заключить основной договор в будущем с иным лицом, чем это было изначально оговорено, а, следовательно, такая позиция гарантирует сохранение права выбора контрагента по договору.

Во-вторых, в связи с тем, что предварительный договор хотя и признается специальной договорной конструкцией наряду с опционом на заключение договора, однако не является сходной с ним по различным причинам. Таким образом, п. 7 ст. 429.2 ГК РФ – права по опциону на

заключение договора могут быть уступлены другому лицу, если иное не предусмотрено этим соглашением или не вытекает из его существа – не представляется возможным применить по аналогии к предварительному договору.

3.2 Проблема уступки права (требования) на взыскание неустойки отдельно от основного обязательства

Наряду с проблемой допустимости уступки права (требования) по предварительному договору, в гражданском праве имеет место ряд иных дискуссионных вопросов, существующих в рамках цессии.

В частности, проблема уступки права (требования) на взыскание неустойки отдельно от основного обязательства. Позиция, согласно которой право на неустойку не может быть передано в отрыве от основного права (требования) неоднократно высказывалась в доктрине, в частности Карапетовым А.Г. [32].

Президиум ВАС РФ в Информационном письме №120 в п. 16 указывает на неоднозначность выводов судов по заявленной проблеме.

Рассматривая конкретное дело, суд первой инстанции поддерживает точку зрения, высказанную Карапетовым А.Г. и некоторыми другими цивилистами.

Апелляционная инстанция говорит о возможности уступки такого права отдельно от основного обязательства, однако указывает, что она возможна лишь в том случае, когда подлежащая взысканию сумма неустойки окончательно определена.

Кассационная инстанция подчеркивает, что уступка права, размер которого окончательно не определен, означает, что соответствующее право переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, то есть спорное право переходит к

цессионарию от цедента в таком же неопределенном размере, существовавшем на момент перехода права. Следовательно, конкретный размер подлежащей взысканию неустойки может быть определен судом по иску нового кредитора (цессионария). Таким образом, суд кассационной инстанции не ставит возможность уступки права (требования) на взыскание неустойки в зависимость от определенности ее размера.

Долгое время существовало противоречие в доктрине и судебной практике по заявленной проблеме. Некоторая ясность была внесена Верховным судом РФ в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 54 в п. 14, где в качестве общего правила уступка требования об уплате сумм неустойки, начисляемых в связи с нарушением обязательства, в том числе подлежащих выплате в будущем, допускается как одновременно с уступкой основного требования, так и отдельно от него.

Данный пункт Постановления подтверждает тот подход, который был ранее намечен в практике ВАС (п. 16 информационного письма №120), и распространяет его на практику судов общей юрисдикции. При этом ВС однозначно закрепляет, что сепаратная (в отрыве от тела основного долга) уступка возможна и в отношении неустойки, подлежащей выплате в будущем. В целом с таким подходом следует, видимо, согласиться.

Впрочем, здесь нужно сделать несколько оговорок.

Во-первых, возникает вопрос об уступке требования об уплате неустойки еще до того, как нарушение договора произошло (т.е. условие права наступило). Вопрос о том, будет ли здесь уступка существующего права или уступка будущего права, является дискуссионным. Ответ на него имеет значение для определения момента перехода права, а последнее важно для выяснения того, в чью конкурсную массу попадает притязание на уплату такой неустойки при введении процедур банкротства против цедента после совершения сделки уступки, но до нарушения договора. Если считать, что здесь имеет место уступка будущего права, то попадание цедента под

банкротные процедуры при определенных условиях помешает срабатыванию распорядительного эффекта и требование на уплату неустойки, возникшее у цедента после совершения сделки уступки, автоматически к цессионарию не перейдет.

Во-вторых, тот же вопрос возникает в ситуации, когда уступка совершена уже после начала просрочки и начала начисления пеней. В отношении суммы пеней, начисленной до момента уступки, речь идет однозначно об уступке существующего требования. Но что насчет тех пеней, которые еще не начислены? Условием права, формирующим обязательство по уплате пеней за каждый день просрочки, является не только факт начала просрочки, но и факт сохранения просрочки в каждый из дней, за которые пени начисляются. Соответственно, если считать, что уступка еще не начисленной неустойки по уже начавшейся просрочке представляет собой уступку будущего права, то право будет переходить цессионарию автоматически, постепенно по мере продолжения просрочки. Если же принять иную концепцию в отношении уступки требования в период до наступления условия права и считать, что право переходит немедленно, еще до наступления этого условия, то все суммы начисляемых пеней будут сразу же созревать и причитаться цессионарию, не проходя через имущественную массу цедента.

В-третьих, если цессионарий приобрел право на взыскание неустойки, а впоследствии при попытке его реализовать столкнулся со снижением неустойки по правилам ст. ст. 333 или 404 ГК РФ либо суд отказал в иске в связи с освобождением должника от ответственности по правилам ст. 401 ГК РФ, может ли цессионарий предъявить цеденту требование о возврате уплаченной цены и взыскании убытков?

Ответ на этот вопрос применительно к ситуации с освобождением от ответственности по ст. 401 ГК РФ зависит от того, означает ли освобождение от ответственности по суду, что соответствующие права на взыскание

неустойки изначально не возникали и, следовательно, цессионарию было уступлено недействительное право. Если да, то нет никаких сомнений в том, что cedent будет нести ответственность за уступку несуществующего требования. Или все же освобождение от ответственности означает прекращение возникших в момент нарушения прав по привлечению должника к ответственности, и тогда в момент уступки право существовало и cedent при буквальном прочтении ст. 390 ГК РФ не несет ответственности перед цессионарием? Представляется, что первый вариант ответа более логичен. Суд, освобождая должника от ответственности, не прекращает возникшие обязательства по уплате неустойки, а констатирует отсутствие оснований для самого возникновения таких обязательств. Следовательно, cedent в этом случае будет нести ответственность перед цессионарием за уступку недействительного права.

То же решение, видимо, логично применять и в тех случаях, когда при попытке взыскать с должника неустойку, право требования которой цессионарий приобрел от cedenta, цессионарий столкнется со снижением неустойки судом по причине ее несоразмерности (ст. 333 ГК РФ) или в связи с виной кредитора (ст. 404 ГК РФ).

Такие же подходы, как представляется, применимы и к случаям уступки требования о возмещении убытков, возврате задатка в двойном размере (в части суммы, превышающей сумму самого задатка) или процентов годовых по ст. 395 ГК РФ (т.е. к иным мерам ответственности).

В то же время отвечать на этот вопрос нужно в зависимости от того, как сформулированы условия договора, на основании которого совершается уступка. Как минимум в сугубо коммерческом договоре, опосредующем уступку, вполне допустимо освобождение cedenta от рисков того, что суд снизит сумму неустойки или убытков в силу факторов, основанных на судебском усмотрении и не связанных с поведением изначально кредитора (например, снижение судом неустойки при ее явной несоразмерности или

доказанность наличия оснований для освобождения от ответственности по ст. 401 ГК РФ). Это прямо следует из п. 1 ст. 390 ГК РФ: согласно данному пункту, «если иное не предусмотрено законом, договор, на основании которого производится уступка, может предусматривать, что cedent не несет ответственности перед цессионарием за недействительность переданного ему требования по договору, исполнение которого связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, при условии, что такая недействительность вызвана обстоятельствами, о которых cedent не знал или не мог знать или о которых он предупредил цессионария...» [8]-[9].

Несколько более дискуссионным может быть вопрос о законности условия о том, что cedent не отвечает в ситуации снижения судом размера ответственности должника по причине смешанной вины (т.е. в ситуации, когда за нарушение отвечает отчасти и сам изначальный кредитор) или непринятия кредитором мер к митигации убытков (ст. 404 ГК РФ). Такое исключение ответственности может вступать в противоречие с действующей редакцией п. 1 ст. 390 ГК РФ, согласно которой исключение ответственности за действительность уступаемого права невозможно, если cedent знал или должен был знать об обстоятельствах, определяющих недействительность.

3.3 Проблема уступки права (требования) на возмещение убытков

Следующим проблемным аспектом можно обозначить уступку права (требования) на возмещение убытков. Исследуя данный вопрос по конкретному делу, суды принимали во внимание, имеет ли личность кредитора существенное значение для должника в обязательстве по возмещению убытков.

Суд кассационной инстанции подчеркнул, что право (требование) возмещения убытков может быть уступлено управомоченным лицом любому

третьему лицу, так как обязательство по возмещению убытков не является обязательством, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника. Кроме того, обязательство по возмещению убытков является денежным обязательством, возникшим в связи с нарушением должником по этому обязательству прав потерпевшего и обладающим самостоятельной имущественной ценностью (п. 17 Информационного письма ВАС РФ №120).

В п. 13 Постановления Пленума Верховного суда РФ №54 также говорится о допустимости уступки требований о возмещении убытков, вызванных нарушением обязательства, в том числе которое может случиться в будущем. Дискуссионным остается вопрос о том, насколько возможна изолированная уступка требования о возмещении убытков до момента самого правонарушения и возникновения убытков.

П. 13 Постановления Пленума Верховного суда РФ №54 сформулирован таким образом, что может пониматься как допускающее изолированную уступку будущих, еще не понесенных убытков. Приведенный выше пример из арбитражной практики (п. 17 информационного письма №120) касался уже возникших к моменту уступки убытков. Уступка будущих убытков отличается от традиционной уступки будущего требования уплаты долга тем, что их наличие не зависит от действий cedent. При уступке требований из еще не заключенных с должником договоров понятна модель обоснования ответственности cedent за переход права: если требование не возникло и не перешло в согласованные сроки, то цессионарий может отказаться от договора, вернуть уплаченное и даже, возможно, требовать возмещения убытков по правилам ст. 390 ГК РФ. В случае с уступкой требования о возмещении еще не возникших убытков сложнее. Наличие убытков изначально зависит не от cedent, а от действий должника, который может и не нарушить договор (или не совершить деликт). Если должник допустит нарушение (совершит деликт), то требование о возмещении убытков может возникнуть и

цессионарий сможет реализовать перешедшее к нему автоматически по правилам об уступке будущих прав требование. Причем размер и причинно-следственная связь будут определяться применительно к цеденту, а не к цессионарию.

Если же должник надлежащим образом исполнит основное обязательство (или не совершит деликт), то требование об убытках не возникнет вовсе. По логике, это должно давать цессионарию право требовать возврата уплаченного за такое требование, но куда более сомнительна возможность предъявления цеденту иска о возмещении убытков по ст. 390 ГК РФ. Вряд ли можно предположить, что цедент давал цессионарию гарантию того, что нарушение в будущем произойдет. Если же стороны прямо исключили возможность возврата уплаченной цены и какую-либо ответственность цедента на случай, если должник не допустит нарушение или убытки у цедента возникнут, то изолированная уступка будущих убытков имеет характер алеаторной сделки, что ставит вопрос о целесообразности применения к таким сделкам правового режима пари, если сама уступка была возмездна.

Кроме того, допущение изолированной уступки будущих убытков ставит вопрос о применении инвариантности способов защиты кредитора по нарушенному обязательству. Например, если должник нарушил обязательство по качеству товара и кредитор (цедент) воспользовался своим правом потребовать снижения цены, то это повлияет на размер убытков по уступленному цессионарию праву. Должен ли в этом случае цедент отвечать по ст. 390 ГК РФ перед цессионарием? Если цедент реализовал свое право о взыскании предусмотренной договором неустойки с должника, то это повлияет на размер уступленного права на возмещение убытков в силу зачетного характера неустойки. Здесь можно поставить такой же вопрос.

Таким образом, правовой феномен изолированной уступки будущих убытков является мало исследованным в российском праве и, по нашим

сведениям, не столь распространен на практике. Эти соображения *mutatis mutandis* применимы и к изолированной уступке будущей неустойки.

3.4 Проблема уступки части права (требования), возникшего из длящегося обязательства

Проблема уступки права (требования), возникшего из длящегося обязательства, также представляет интерес.

Понятие «длящегося» обязательства было выработано арбитражной практикой применительно к спорам по договорам цессии. Под «длящимся» обязательством судами понимаются такие обязательства, исполнение которых происходит не одномоментно, а несколькими этапами в течение некоторого периода времени. Наиболее характерными примерами таких договоров являются договоры газо- и теплоснабжения, договор поставки электроэнергии, прочие договоры с коммунальными предприятиями, заключенные на определенный срок на всем протяжении которого происходит постоянное, непрерывное исполнение обязательств одной из сторон [10].

Положения гл. 24 ГК РФ предусматривают порядок замены стороны в конкретном обязательственном правоотношении, включая длящиеся. При этом ни из ст. 382, ни из ст. 824 ГК РФ не следует, что передается обязательство целиком. Напротив, речь идет об уступке отдельных требований, из которых состоит практически любое обязательство.

Ранее, в 90-е годы, преобладающей в судебно-арбитражной практике была точка зрения, запрещающая сделки по уступке права на получение части денежного платежа за определенный период по так называемым длящимся договорам. Например, при отсутствии в соглашении о частичной уступке права (требования) по обязательству оплатить электроэнергию, газ, воду указания на основание возникновения передаваемого права

(требования), а также условий, позволяющих его индивидуализировать (конкретный период, за который передается право (требование) на уплату суммы задолженности предприятия), суды сделали выводы о несогласованности предмета договора либо признавали уступку недействительной. К примеру, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 10.09.1996 №1617/96 сделан ряд выводов, которые довольно длительное время влияли на практику применения норм, регулирующих уступку части права (требования) в дящихся правоотношениях.

Следует отметить, что с начала 2000-х годов подход судебно-арбитражной практики к проблеме уступки права требования в дящихся отношениях под влиянием теории изменился, что можно проиллюстрировать на одном из таких примеров (Постановление ВАС РФ от 9 октября 2001 г. №4215/00).

Закрытое акционерное общество «Промстрой-С» обратилось в Арбитражный суд Саратовской области с иском к открытому акционерному обществу «Саратовгаз» о взыскании задолженности в сумме 6 193 257 руб. и процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 27 февраля 1999 г. по день фактического исполнения решения суда. В свою очередь ОАО «Саратовгаз» обратилось в суд со встречным иском о признании недействительным договора уступки требования от 3 июня 1996 г. №153, заключенного между предприятием «Югтрансгаз» и ЗАО «Промстрой-С». Решением от 23 сентября 1999 г. с ОАО «Саратовгаз» взыскано 3 282 459 руб. 70 коп. долга и 1 286 305 руб. 78 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами.

В удовлетворении встречного иска было отказано. Постановлением апелляционной инстанции от 16 ноября 1999 г. решение оставлено без изменения.

ФАС Поволжского округа постановлением от 11 января 2000 г. решение суда первой и постановление апелляционной инстанции отменил.

Закрытому акционерному обществу "Промстрой-С" в иске к ОАО "Саратовгаз" о взыскании задолженности отказал, встречный иск ОАО "Саратовгаз" удовлетворил. Президиум ВАС РФ признал, что все названные судебные акты подлежали отмене, и дело было направлено на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Как следовало из материалов дела, предприятие «Югтрансгаз» имело задолженность перед закрытым акционерным обществом «Промстрой-С» на 20 000 000 руб.

Согласно договору об уступке требования от 3 июня 1996 г. №153 предприятие «Югтрансгаз», являясь стороной по договору на поставку газа и кредитором ОАО «Саратовгаз», уступило закрытому акционерному обществу «Промстрой-С» право требования с ответчика части задолженности, составляющей 20 000 000 руб. Признание рассматриваемого договора цессии ничтожной сделкой суд кассационной инстанции мотивировал тем, что на момент совершения цессии основное обязательство не прекратилось, за cedentом сохранилось обязательство по поставке газа до конца срока действия договора. Как следовало из материалов дела, предметом цессии являлся не весь комплекс двусторонних обязательств по газоснабжению (длящееся обязательство), а конкретное требование поставщика оплаты поставленного газа за определенный расчетный период. Уступка требования, возникшего в рамках длящегося договорного обязательства, возможна при условии, что уступавшееся требование являлось бесспорным, возникло до его уступки и не было обусловлено встречным исполнением.

Предприятие «Югтрансгаз», поставив обществу «Саратовгаз» газ на конкретную сумму, в принципе вправе, не выходя из договора газоснабжения, уступить данное денежное требование третьему лицу с соблюдением условий, установленных ст. 388 ГК РФ. Суд кассационной инстанции указал, что платежные требования на оплату поставленного газа

датированы позже даты заключения договора цессии. Это обстоятельство не было предметом исследования суда, в связи с чем дело подлежит направлению на новое рассмотрение. Следовательно, суд надзорной инстанции пришел к выводу, что предприятие «Югтрансгаз», поставив обществу «Саратовгаз» газ на конкретную сумму, вправе, не выходя из договора газоснабжения, уступить данное денежное требование третьему лицу с соблюдением условий, установленных ст. 388 ГК РФ.

Как нам представляется, возможность уступки части права (требования) в дящихся правоотношениях была допущена в п. 13 Информационного письма ВАС РФ от 30 октября 2007 г. №120.

Президиум ВАС в Информационном письме №120 отмечает, что в случае, если в соглашении об уступке части права (требования), возникшего из дящегося обязательства, отсутствуют указания на основания возникновения уступаемого права (требования), а также на конкретный период, за который оно уступается, договор считается незаключенным. При этом Верховный суд в более позднем Постановлении Пленума Верховного суда РФ №54 не дает никаких разъяснений, данный вопрос остается относительно неурегулированным.

В последующем возможность уступки части требования была закреплена в п. 2 ст. 384 ГК РФ: «Право требования по денежному обязательству может перейти к другому лицу в части, если иное не предусмотрено законом». Пунктом 3 ст. 384 ГК РФ было установлено, что если иное не предусмотрено законом или договором, право на получение исполнения иного, чем уплата денежной суммы, может перейти к другому лицу в части при условии, что соответствующее обязательство делимо и частичная уступка не делает для должника исполнение его обязательства значительно более обременительным.

Содержание договора об уступке права (требования) в дящихся правоотношениях составляет, как и содержание любого из договоров, его

условия. В соответствии с ч. 2 ст. 432 ГК РФ существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе и иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Законодательством не установлено, какие именно условия являются существенными для договора цессии. По нашему мнению, правильной является позиция правоведов, полагающих, что единственным существенным условием с точки зрения закона для договора цессии является условие о его предмете, а предметом договора уступки права является субъективное право (требование). В дящихся правоотношениях из одного основания, как правило, возникают несколько требований с различными сроками их исполнения. Например, в поставке товаров может возникать у поставщика поочередно несколько требований по уплате денежных сумм, если это предусмотрено договором. В таком случае при уступке одного из них следует индивидуализировать уступаемое право (требования) среди остальных, в противном случае возникает трудность в установлении предмета договора цессии.

Индивидуализация уступаемого права (требования) в дящихся правоотношениях может осуществляться различными способами (например, по сроку его возникновения, прекращения или изменения). Однако указанное обстоятельство нередко игнорируется в судебной практике, поскольку при оценке условий соглашения об уступке преобладает строго формальный подход, согласно которому отсутствие ссылки на договор или сделку, порождающее обязательство, рассматривается как отсутствие определенности предмета.

Индивидуализируя предмет уступки, стороны нередко указывают на передачу прав, подтвержденных определенным судебным решением или исполнительным листом. Однако в этих случаях суды нередко признают уступку недействительной, где предмет был определен посредством указания

на судебное решение (исполнительный лист). В этих случаях суды основывались на том, что судебное решение не являлось основанием возникновения прав требования, и, ссылаясь на нормы АПК РФ, указывали, что это возможно только в порядке процессуального правопреемства. Согласно нормам гл. 24 ГК РФ отсутствие в договоре цессии данных, достаточных для индивидуализации ее предмета, само по себе не является основанием для признания договора незаключенным, тем более недействительным. В интересах цессионария потребовать указания в договоре на условия, сроки и порядок передачи ему cedentом документов, удостоверяющих наличие и действительность длящегося обязательства, статус cedента в этом обязательстве, доказательства отсутствия правоприязаний со стороны третьих лиц. Поскольку нередко бывает сложно предвидеть, какие именно возражения, касающиеся отношений с cedentом, должник противопоставит цессионарию, то и определить документы, подлежащие передаче cedentом цессионарию, тоже бывает непросто. На практике это сводится к передаче «первичных» документов, обосновывающих право требования. Но возражения должника могут быть не связаны непосредственно с первичными документами, оформляющими сделку между cedentом и должником. Поэтому целесообразно включить в договор условие об обязанности cedента представить любые документы, опровергающие возражения должника, основанные на отношениях последнего с cedentом, в том числе предоставлять необходимые документы по мере возникновения такой необходимости [95]. Профессор Л.А. Новоселова справедливо утверждает, что при уступке части требования объем уступаемых прав должен быть определен, иначе предмет сделки может быть признан несогласованным [46].

С учетом изложенного можно сделать вывод, что при длящихся правоотношениях (которые характерны по договорам электро-, тепло-, газоснабжения) можно уступить часть права (требования), которая должна

иметь не столько строго фиксированную сторонами величину, но достаточное количество признаков, позволяющих выделить его из числа многочисленных требований в дящихся правоотношениях (договорах), и которые, безусловно, будут способствовать минимизации споров между субъектами по поводу уступленного права (требования).

В связи с этим полагаем возможным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» пунктом 8.1 следующего содержания: «В договоре об уступке части права (требования), возникшего из дящегося обязательства, должны быть указаны основания возникновения уступаемого права (требования), а также конкретный период, за который оно уступается. Уступаемое право (требование) должно иметь не столько строго фиксированную сторонами величину, но достаточное количество признаков, позволяющих выделить его из числа многочисленных требований в дящихся правоотношениях (договорах). В противном случае договор может быть признан незаключенным».

Заключение

Проведенное исследование данной темы, выявило особенности и проблемные моменты совершения уступки прав требования в разных вариантах.

Рассмотрены основные подходы, касающиеся правовой природы, содержания и исполнения, проблем применения, особенностей законодательного регулирования уступки права (требования) и судебной практики рассмотрения соответствующих споров. Выявленные принципы развития отношений цессионного преемства позволили сформулировать предложения по приведению действующего законодательства в соответствие с потребностями практики хозяйственного оборота.

В результате анализа позиции ученых по определению понятия и правовой природы уступки права требования, многие из которых считают цессию в качестве двухсторонней сделки, было установлено, что в цессии как сделке происходит изменение субъектного состава, а именно изменение кредитора новым.

Разбирая дискуссию цивилистов о том, является цессия абстрактной или каузальной сделкой, был сделан вывод об абстрактности такой сделки. Такие сделки могут быть оторваны от основания, но это не значит, что основания у них вообще нет.

Рассмотрев требования к форме договора цессии и его содержание, сделан вывод, что сделка должна быть совершена в той же форме, что и сделка, из которой возникло уступаемое требование. Было уделено внимание проблемам государственной регистрации договора уступки. В частности, последствиям отсутствия такой государственной регистрации уступок денежных требований и вытекающих из обеспечительных обязательств, закрепленные ВС РФ в Постановлении Пленума от 21.12.2017г. №54.

Содержание договора составляют его условия. Существенным же условием договора цессии является условие о предмете.

Были исследованы моменты перехода права требования от cedentа к цессионарию. ГК РФ определил позицию, что моментом перехода является заключение самого договора цессии. Таким образом, опроверг позицию некоторых авторов, связывающих момент перехода с уведомлением должника об уступке права требования.

В ходе исследования вопроса об объеме переходящих требований было установлено, что законодатель устанавливает ряд правил и ограничений, относящихся к объему переходящих от cedentа к цессионарию требований, в том числе по денежному и иному (неденежному) обязательству.

Было уделено внимание к анализу требований, которые не подлежат цедированию. В частности, это уступка права требования, которая противоречит закону, т.е. имеет прямой запрет на такую сделку. Цессия, нарушающая законодательный запрет, которая, как правило, устанавливается в интересах третьих лиц (должника и иных субъектов), признается ничтожной сделкой. Другие ограничения по уступке права требования связаны непосредственно с личностью кредитора.

В рамках изучения в работе проблемы относительно определения существенности личности кредитора для должника, было установлено, что личность кредитора признается для должника существенной, когда имеющаяся между должником и кредитором связь возникла в результате заключения сделки, обладающей лично-доверительным характером, либо если связь возникла при заключении иных сделок в случае, когда разрыв связи при совершении уступки права влечет или может повлечь значительное лишение для должника того, на что он был вправе рассчитывать при заключении сделки с кредитором, в частности, если при совершении сделки по уступке требования возникает реальная невозможность исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части или возникает

риск неисполнения/ненадлежащего исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части.

Проанализировав некоторые проблемы института цессии в правоприменительной практике, сложилось твердое убеждение о необходимости внесения изменений и дополнений, четкости в законодательное регулирование уступки права (требования), что поспособствуют укреплению правового положения цессионария в отношениях преемства в обязательственных правах, позволят сделать акцент на главном принципе цессионного права - недопущения ухудшения положения должника при переходе прав от cedentа к цессионарию, а также повысят привлекательность использования сделки цессии в гражданском обороте, что, в свою очередь, повлияет на мобильность имущественных прав.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Kotz H., Flessner A. European Contract Law. Oxford: Clarendon Press, 2002. P. 267.;
2. Polish Civil Law: The Polish Civil Code / D. Lasok (ed.). Netherlands, 1975. P. 90.;
3. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR) / ed. By C. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke [etc.]. Munich : Sellier. - European Law Publishers, 2009. - 650 p.
4. Анненков К. Н. Цессия договорных прав // Журнал гражданского и уголовного права. - 1891. - № 2. - С. 83.
5. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 13.06.2018 по делу №33-1931/2018 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»;
6. Байбак В.В. Комментарий к статье 389.1 ГК РФ / В.В. Байбак // Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - Москва: Статут, 2017. - С. 598.;
7. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. - М.: Статут, 2005.;
8. Байбак В.В., Ильин А.В., Карапетов А.Г., Павлов А.А., Сарбаш С.В. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 N 54 "О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки" // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - №2. - С. 36 - 92;
9. Байбак В. В., Ильин А. В., , Карапетов А. Г., Сарбаш С. В., Павлов А.А. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»

// Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - №3. - С. 80-137.

10. Бевзенко Р.С. Уступка права (цессия) в практике Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник Федерального Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. – 2004. – №3.

11. Белов В. А. Состав и система случаев-оснований возникновения права одностороннего отказа от договоров (обязательств) и их исполнения и одностороннего изменения их условий // Закон. - 2019.- № 8. - С. 44–62.

12. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве / В.А. Белов. - Москва: ЮрИнфоР, 2000.;

13. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 1. Общие положения. 3-е изд., стер. - М.: Статут, 2009.;

14. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 2. Договоры о передаче имущества. Москва: Статут, 2002. С. 342.

15. Витрянский В.В. Вопрос-ответ, 04.06.2015 г. // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

16. Вошатко А.В. О сущности уступки требования // Очерки по торговому праву / Под ред. Е.А. Крашенинникова. - Вып. 7. - Ярославль, 2001.- С. 19.

17. Вошатко А.В. Уступка требования из синаллагматического договора // Очерки по торговому праву. Вып. 11. - Ярославль, 2004. - С. 61 - 76; Он же. Цессия и синаллагма // Вестник ВАС РФ. - 2006. - № 1.;

18. Галинская Ю. Права требования как объекты гражданских прав //Нур-Султан: Журнал «Юрист». – Август, 2007. - №8.

19. Гербутов В.С. Обзор диссертаций на тему неосновательного обогащения // Вестник гражданского права. - 2008. - №2. - Т. 8.;

20. Горбатов К.А. Абстрактность и каузальность цессии // Вестник гражданского права. - 2012. - №3.

21. Гражданский кодекс РСФСР. Комментарий / Под ред. А. Г. Гойхбарга и И. Г. Кобленца. — 2-е изд. — М.—Л., 1925.

22. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // Доступ из «СПС КонсультантПлюс». 2019.
23. Дернбург Г. Пандекты. Обязательственное право. Том третий. - М., 1994. - С. 166.
24. Дернбург Г. Пандекты. Том второй. Обязательственное право, М., 1911. С. 132.;
25. Добрачев Д.В. Гражданско-правовые формы защиты прав кредитора // Инфотропик Медиа, 2017. // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
26. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2017. - Электронное издание. Редакция 1.0. - 1120 с.
27. Егоров А.В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник ВАС РФ. - 2010. - №12.;
28. Интернет-интервью с Е.А. Сухановым, заведующим кафедрой гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова, заместителем председателя Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, д. ю. н., профессором: «Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».
29. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.07.2000 №56 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве» // Вестник ВАС РФ. – 2000. - №9.
30. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 №120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – Январь, 2008. - №1.

31. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. III. Обязательственное право / О.С. Иоффе. - Санкт-Петербург: Юридический центр "Пресс", 2004. - С. 664 и след.
32. Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. – М.: Статут, 2005. - 286 с.
33. Карапетов А. Г., Матвиенко С. В., Мороз А. И., Сафонова М. В., Фетисова Е. М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за декабрь 2018 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2019. - №2. - С. 37–50.
34. Колодкина П.Д. Цессия по законодательству США: основные положения // Вестник магистратуры». 2021. № 10-2 (121), ISSN 2223-4047. .- С. 74–76.
35. Колодкина П.Д. История становления и развития отдельного института науки гражданского права. Институт цессии // Вестник магистратуры». 2021. № 10-2 (121), ISSN 2223-4047.- С. 77–79.
36. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2007.
37. Крашенинников Е.А. Основные вопросы уступки требования / Е.А. Крашенинников // Очерки по торговому праву. Вып. 6. - Ярославль: Издательство Ярославского университета, 1999. - С. 7.
38. Кротов М.В. О некоторых проблемах перемены лиц в обязательствах / М.В. Кротов // Очерки по торговому праву. Вып. 6. - Ярославль: Издательство Ярославского университета, 1999. - С. 60 - 62.
39. Кузьмина А.В., Иванова А.Е. О развитии института цессии в российском гражданском праве // Марийский юридический вестник. - 2016. - № 1 (16). - С. 78.
40. Ломидзе О.Г. Отдельные вопросы перемены лиц в обязательстве // Законодательство. - 1998. - №5.

41. Марцун А.А. Уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – Том 17, №4. – С. 455 – 464.
42. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 2. - М., 1997 (по изд. 1902 г.). - С. 114.
43. Меньшенин П.А. Понятие и предмет предварительного договора: основные подходы теории и практики // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. - №1.
44. Микрюков В.А. Аналогия в механизме уступки права из предварительного договора // Законодательство и экономика. - 2016. - №5. - С. 34 – 3.
45. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. - Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950. - С. 223 и след.
46. Новоселова Л.А. Объем прав кредитора, переходящих к другому лицу (комментарий к ст. 384 ГК РФ) // Хозяйство и право. - 2016. - №3. - С. 3-18.
47. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг / Л.А. Новоселова. - Москва: Статут, 2003.
48. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.2015 №305-ЭС15-15332 по делу №А40-141898/2014 // Доступ из <https://kad.arbitr.ru/Card/23d039ab-4005-4681-b88e-c51ce111fe3f>.
49. Определение Верховного Суда РФ от 24.02.2015 №70-КГ14-7 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
50. Определение Липецкого областного суда от 23.10.2013 по делу № 33-2806/2013 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
51. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2013 №64-КГ13-76 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

52. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 02.06.2015 № 77-КГ15-2 // Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».
53. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2015 №307-ЭС15-6545 по делу А13-1513/2014 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/247b96e0-aa9b-430d-bbc6-d8d7a929667c>.
54. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.03.2022 N 308-ЭС21-22821 по делу N А53-19700/2018 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
55. Планиоль М. Курс французского гражданского права. - Петроков: Типография С. Панского, 1911. - С. 119.
56. Поваров Ю.С. Согласие должника на уступку требования, необходимое в силу закона или договора (вопросы дифференциации правовых режимов) // Право и экономика. - 2020. - № 5. - С. 54.
57. Подузова Е.Б. Организационные аспекты изменения договорных обязательств // Актуальные проблемы российского права. - 2015. - №7.
58. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.07.2019 №Ф02-2474/2019 по делу №А74-15947/2018 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/b3b93a88-60fa-4500-a779-4ff4900898e3>
59. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20.02.2021 №Ф03-5910/2020 по делу №А04-3686/2020 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/ee63773a-4635-4ebb-8277-67debe996006>.
60. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.08.2021 №Ф04-4543/2021 по делу №А45-33862/2019 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/3c88144a-6052-4bb9-9e21-da7bee3cb2d5>.
61. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.10.2018 №Ф04-4382/2018 по делу №А03-19247/2017 (рассматриваемое требование заявлено в качестве встречного) // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/82830919-5a3f-4498-9bc7-5c1d781cbc07>.

62. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.11.2018 №Ф05-1727/2017 по делу №А40-184785/15 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/d6895b81-445f-45ad-8928-1d3f248d80fd>.
63. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.04.2019 №Ф05-4552/2019 по делу №А41-82229/2017 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/d469ce73-257a-4aef-863c-56e2ba9b1ed7>.
64. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.06.2019 №Ф05-9183/2019 по делу №А40-189519/2018 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/6cd0c487-6204-4a4f-9caa-d18e27c61aad>.
65. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.01.2019 №Ф05-23322/2018 по делу №А40-145642/2017 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/58edd84e-db6b-4c37-a552-f868430f447f>.
66. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.02.2019 №Ф06-44065/2019 по делу №А65-1219/2018 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/f60e91b1-f1f2-47ab-ad65-06f826385307>.
67. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.05.2015 по делу № А56-67921/2013 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/b4112d18-0dc7-430d-8c01-adae7a67650b>.
68. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.02.2019 №Ф07-18010/2018 по делу №А42-4394/2018 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/2f0dca53-e74f-412f-a166-36feb859e42a>.
69. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.09.2021 №Ф08-8726/2021 по делу №А53-28668/2020 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/6cd0c487-6204-4a4f-9caa-d18e27c61aad>.
70. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.10.2014 по делу №А53-25091/2013 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/e019154c-7138-4f12-930c-d0ec2e495a14>.

71. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.09.2014 по делу №А23-743/2014 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/7b516da6-98d5-4603-8d54-66520d233c2f>.
72. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2018 № 01АП-7462/2018 по делу № А79-5462/2018 // Режим доступа <https://kad.arbitr.ru/Card/11740514-8a13-45cc-99b1-cf335fb5211b>.
73. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 №54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – Март, 2018. - №3.
74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – Август, 2015. - №8.
75. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.12.2002 №10424/02 // Вестник ВАС РФ. - 2003. - № 4.
76. Постановление Президиума ВАС РФ от 30.03.2010 №16283/09 по делу №А34-571/2009 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/dbcbabd3-fe3a-422c-8f60-e287971946ea>.
77. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2007 №16209/06 по делу №А40-34657/05-61-314 // Доступ из <https://kad.arbitr.ru/Card/24b042f8-b0ff-4731-8eb4-7468a0c794a9>.
78. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.01.2019 по делу №СИП-615/2015 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/2736e685-d653-4a97-865a-22e3bc442c15>.
79. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.09.2018 № 17АП-10429/2018-ГК по делу № А50-23272/2016-Б4 // Режим доступа <https://kad.arbitr.ru/Card/afb043c9-0096-42aa-82f6-037f00a01f18>.

80. Постановление ФАС Поволжского округа от 22.11.2012 по делу № А55-6675/2011 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/0af09dc9-ff38-4ad8-ac33-d580db5214d4>.
81. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 03.04.2007 №Ф09-1361/07-С4 по делу №А71-5175/2006 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/69266313-aff1-486d-a0c6-5589ee41d8ea>.
82. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 7 августа 2007 г. №Ф09-3437/07-С4 по делу № А71-6137/2006 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/ef5c8d80-c049-4435-97a7-c8c81e3b49d5>.
83. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 28.07.2011 по делу №А57-6446/2010 // Режим доступа <https://kad.arbitr.ru/Card/80cbdd2d-55b9-4480-8aba-019b1e952920>.
84. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа №Ф09-1203/12 от 14.02.2013 по делу А47-8893/2011 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/e743a3ca-140e-4056-83bf-ef8120c8143d>.
85. Почуйкин В.В. Основные проблемы уступки права требования в современном гражданском праве России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Москва, 2003. - 188 с.
86. Почуйкин В.В. Уступка права требования: основные проблемы применения в современном гражданском праве России. - М.: Статут, 2005. - С. 23.
87. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА 2010). - М.: Статут, 2013. - 756 с.
88. Пушкина А. В. Значение личности кредитора при уступке требования // Гражданское право. - 2015. - № 2. - С. 37–39.
89. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.07.2018 по делу №А40-199437/17-133-1790 // Режим доступа <https://kad.arbitr.ru/Card/4c8c1474-82b2-42cb-9b9b-b26806018340>.

90. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 03.10.2018 по делу №А60-30045/2018 // Режим доступа <https://kad.arbitr.ru/Card/6d87d97f-314e-4c94-9bd0-27153837f82b>.
91. Рыжковская Е.А., Шаблова Е.Г. Совершенствование норм об уступке требования и факторинге в гражданском законодательстве России // Право и экономика. - 2015. - №11.
92. Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств: учеб. пособие. - М.: Статут, 2016. - 255 с.
93. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2008. - 922 с.
94. Стюфеева И.В. Особенности договора цессии // СПС «КонсультантПлюс». - 2021.
95. Уруков В.Н. Теория воли и волеизъявления в гражданском праве. - М.: «Юстицинформ», 2019. - 620 с.
96. Федеральный закон от 21.12.2013 №367-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
97. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 2: Пер. с нем. - М., 1998. - С. 160.
98. Цитович П.П. Обязательства по русскому гражданскому праву. - Киев, 1894. - С. 5.
99. Шершеневич Г.Ф. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников — М.: Статут, 2016. – С. 215.
100. Шершеневич Г.Ф. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая: Общая теория права. Выпуск третий. - Москва, 1912. - С. 592.